



История против пропаганды

Отношение к прошлому
в современной России

Сборник материалов международной
конференции, организованной
Институтом по изучению тоталитарных режимов
в Праге 9 и 10 декабря 2015 года

ИСТОРИЯ ПРОТИВ ПРОПАГАНДЫ:

ОТНОШЕНИЕ К ПРОШЛОМУ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Сборник материалов международной
конференции, организованной
Институтом по изучению тоталитарных режимов
в Праге 9 и 10 декабря 2015 года.



Прага 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ РЕЧИ	3
Андрей Борисович Зубов Александр Даниэль, петербургский «Мемориал»	
1-Й БЛОК — ОБРАЗОВАНИЕ	25
Роберт Латыпов, пермский «Мемориал» Никита Ломакин, московский «Мемориал» Тереза Ваврова, Antikomplex Алиция Ванцеж-Глуза, Центр KARTA	
2-Й БЛОК — СМИ	37
Павел Каныгин, «Новая газета» Ирина Лагунина, Радио Свобода Руслан Дейниченко, StopFake	
3-Й БЛОК — МЕСТНЫЕ СПОРЫ	52
Алексей Бабий, красноярское общество «Мемориал» Ирина Флиге, петербургский «Мемориал» Татьяна Курсина, «Пермь-36» Сергей Лукашевский, Сахаровский центр	
4-Й БЛОК — НОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ	71
Александр Даниэль, петербургский «Мемориал» Влодзимеж Марчиняк Мария Серета, Prague Civil Society Center	

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ РЕЧИ

Андрей Борисович Зубов

Андрей Борисович Зубов — российский историк, религиовед и политолог. Выпускник и бывший профессор Московского государственного института международных отношений и заведующий кафедрой истории религии Российского православного университета. Автор нескольких монографий и около 150 научных статей. После Александра Солженицына взял на себя роль ответственного редактора переломного издания «История России. XX век».

Очень важно, чтобы страны Запада по-новому восприняли те импульсы, которые поступают из России. Речь идет не только о политических импульсах — таких как аннексия Крыма, война в Украине, война в Сирии — но и об информационных. И мы видим, что, во многом не без влияния России, аналогичные по ментальности формы вдруг становятся успешными на Западе. Последние муниципальные выборы во Франции свидетельствуют об этом с огромной очевидностью. И не только это.

Я хотел бы построить свое выступление из двух частей. В первой я покажу динамику, с которой меняется уровень свободы исторического исследования в посткоммунистической России, что я как историк по профессии, ясно вижу на себе. Во второй части я буду говорить о том, по каким пунктам меняется исторический дискурс и почему мы должны относиться к этому с таким вниманием.

Мы помним о фантастической несвободе исторического исследования в коммунистический период. По сути говоря, ничто, даже исследование Тайланда, не могло быть политически нейтральным. Все было пронизано идеологией, и уход коммунистической идеологии, в которую уже мало кто верил, был тем не менее очень сложным. Нам приходилось учиться говорить эзоповым языком. Одно говоришь, на другое намекаешь, третье имеешь в уме и понимаешь, что люди его тоже поймут, а четвертое — просто фигура умолчания. Так мы писали. Даже исследование Гомера начиналось с цитат из Маркса и Ленина.

Но вот кончился коммунистический период, и как будто открыли ворота: в России с 1988 или с 1989 года, может быть, аккуратнее уже с 1987-го, начался вал свободных исторических исследований. Сначала это были в основном репринты дореволюционных или эмигрантских работ, потом очень быстро появились индивидуальные работы новых ученых и много интересных исследований, и уже было стыдно писать в старой советской парадигме. Наши профессора, наши академики, которые по другому писать не привыкли, неумело, но все же пытались измениться. Получалось это у них по-разному.

Кто-то вывернул шубу наизнанку, а кто-то наконец надел ее правильно. Это был совершенно свободный исторический дискурс. С дискуссиями, конечно, — там были левые и правые, люди, которые считали, что Россия в своей истории в основном шла неправильными путями (например, Александр Львович Янов), и те, кто считал, что в ней было намного больше правильного, те, кто оправдывал или не оправдывал империю — все это было. Были дискуссии, но это нормально, это естественный исторический процесс, когда люди в профессиональном сообществе спорят друг с другом.

Когда в 2006 году Александр Исаевич Солженицын¹ предложил мне работать над историей России XX века, к нему обратились из путинского правительства. Это был один из руководителей информационного, пропагандистского аппарата, Олег Борисович Добродеев, гендиректор Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании (ВГТРК). Добродеев обратился к Солженицыну с просьбой написать другую, не советскую историю, если угодно, историю по-солженицынски. Александр Солженицын, его «Архипелаг Гулаг», «Красное колесо» — это было нечто далеко не советское, даже настолько антисоветское, что Александра Исаевича в свое время выгнали из Советского Союза.

Не всем нравился исторический дискурс Солженицына, но тем не менее это было что-то совершенно другое. И то, что ему это предложили — а он сказал, что он старый человек, и предложил этим заняться мне — говорило о многом. Это говорило о том, что власть еще предполагает историческое разнообразие. Позднее, в процессе работы, я узнал, что такой же заказ был одновременно сделан и ряду ученых советской школы, например профессору Александру Анатольевичу Данилову², который должен был написать историю с более советских позиций, с некоторым оправданием Сталина. Целью было создание двух дискурсов. Согласитесь, что это хоть и было направляемо из Кремля, но только в смысле выбора людей, а не выбора идей. Мы были совершенно свободны в своем писании. Но все очень изменилось. Это даты, которые полезно помнить.

Так было в 2006 и 2007 годах. Никто не вмешивался в мою работу, и когда какие-то люди в Кремле просматривали текст, они не сделали ни одного замечания. Вернее, одно замечание было сделано, но вполне правильное. Вы, мол, во вступлении забыли упомянуть о значении Сибири, а это очень важно для России, особенно теперь. Естественно, я написал, что Сибирь осваивалась в XVII веке. Это было просто важное научное замечание, не более того. Но в остальном — ни о Катыни, ни о начале войны, ни о пакте Молотова — Риббентропа, ни о гражданской войне — ни одного слова сказано не было.

Все изменилось в 2009 году, когда была создана комиссия по фальсификации

¹ Александр Исаевич Солженицын (1918–2008) — российский писатель, диссидент и публицист. Лауреат Нобелевской премии по литературе.

² Александр Анатольевич Данилов (род. в 1954 г.) — советский и российский историк, специализирующийся на современной истории России.

истории.³ В то же время, когда вышла книга «История России. XX век»⁴, начался вал заказной критики, но все было не так просто. Эта заказная критика столкнулась с тем, что мы подали в суд на одно из изданий — журнал «Эксперт», опубликовавший огромную статью. Во второй инстанции мы выиграли этот процесс. В результате журнал был вынужден признать, что он опубликовал ложь. Это было в 2011 году, тогда это еще было возможно. Комиссия по фальсификации на самом деле оказалась мертворожденным дитем, она ничего не сделала и не добилась никаких успехов.

История становится по-настоящему однозначной пропагандой, когда из публичного дискурса начинают исключаться другие мнения. Это совпадает с известными событиями 2014 года — аннексией Крыма и войной на Украине. На самом деле это поворотный момент русской истории. До этого момента было бы неслыханно, чтобы профессора МГИМО (я имею в виду себя) уволили с работы за то, что он в официальной газете «Ведомости», которая издается сотнями тысяч экземпляров, публично выразил свою точку зрения. Но теперь это стало возможным.

После этого стали запрещать издание книг. В 2014 году издательства получили определенные указания относительно того, что не все книги можно издавать. В частности, не всех авторов можно издавать, что относится и ко мне. Это касалось даже книг по совершенно нейтральным темам, например, по религии Древнего Египта, потому что одним из авторов был я. Одно из московских издательств отказалось даже от книг, уже фактически готовых к продаже. Издатель мне прямо сказал, что на него было оказано давление.

В 2015 году начинается изъятие из книжных магазинов уже напечатанных книг. Это абсолютно новая тенденция. Началось это с книги Виктора Шендеровича⁵, которая известна своей критикой режима. Ее запретили продавать, хотя она уже была напечатана. Позднее, в мае 2015 года, я с удивлением увидел, что второй том двухтомника «История России. XX век» исчез из всех русских магазинов и даже из интернет-магазинов. А первый том продолжает свободно продаваться. Почему? Догадаться несложно. Второй том начинается с начала Второй мировой войны, как раз с пресловутого аншлюса Австрии и захвата Судет, а потом идет рассказ о Второй мировой войне в России. Это не понравится тем нашим властным силам, которые готовили великий триумф семидесятилетия победы. Поэтому они предпочли отовсюду эту книгу изъять. Свободно можно найти первый том, который кончается 1939 годом, но второго тома вы нигде не найдете. Не потому, что его раскупили,

³ Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории была органом, основанным при Министерстве образования РФ президентом Дмитрием Медведевым в мае 2009 года. В Комиссию входили историки, депутаты и чиновники. Ее задачей был анализ информации о фальсификации исторических событий и фактов, координация деятельности соответствующих органов государственного управления, издание рекомендаций и т. д. Комиссия просуществовала до февраля 2012 года.

⁴ ZUBOV, Andrej: Dějiny Ruska 20. století. — 1-я часть, 2-я часть. Argo, Praha 2014 и 2015 гг.

⁵ Виктор Анатольевич Шендерович (род. в 1958 г.) — популярный российский сатирик и писатель, сотрудник радио «Эхо Москвы».

а потому, что его запретили продавать. И не только моя книга подверглась этой рестрикции, я знаю и про другие такие книги. Это уже реальный запрет на мысль, которого раньше не было. Слава Богу, есть Интернет и все возможно, сейчас нет тотальных запретов, поэтому это тем более смешно, это выглядит жалко, но эта тенденция важна.

Теперь я бы хотел остановиться на том, ради чего это делается. Какие идеи угодны, а какие идеи не угодны современной российской власти. Идея первая: Россия — это особая цивилизация, у нее особое отношение к правам человека, к свободам, к демократии — не такое, как на Западе. Мы — другой мир, об этом говорит патриарх, об этом говорит президент, об этом говорят все кому не лень в правительстве и в Думе. О русской цивилизации. Об этом говорят, но такой цивилизации нет, Россия — это часть христианской европейской цивилизации. Да, она своеобразна, но и Скандинавия — своеобразная часть, и Италия — своеобразная часть, и Великобритания — своеобразная часть, и Чехия, конечно, отличается от Испании. И Россия — это другая часть той же цивилизации.

Это очень важный момент. Спор идет от том, применимы западные — сейчас говорят общечеловеческие, но на самом деле они, конечно, западные — ценности к России или неприменимы. Власть настаивает на том, что они неприменимы. И настаивает, конечно, ради того, чтобы оправдать перед обществом нарушения прав человека, надругательство над демократией в России, разрушения гражданского общества и т. д. Мы это делаем не потому, что мы такие плохие, а потому, что России это чуждо, для России это не свое, народ этого не признает, народу это не нужно.

Отсюда следует второй, пресловутый пункт, и, кстати, многие попадают на эту удочку. Он касается того, что у России своя историческая колея — historical track. Историческая колея России другая, чем у Европы. Мы идем по своей колее. Это колея авторитарного, деспотического режима, но русские по-другому жить не могут. Так было всегда.

И удивительное дело: очень многие коллеги, а уж тем более журналисты, и в Америке, и в Европе задают мне вопрос: «Это так или не так на самом деле? Что Вы думаете, господин профессор? Россия — это действительно особая колея?» Я отвечаю на это в двух словах. Какая же особая колея? В Соединенных Штатах до 70-х годов XIX века существовало рабовладение. Значит, рабовладение — это колея Соединенных Штатов? А как же тогда Обама — президент США? Да, в Великобритании до 1826 года была работорговля. Но разве работорговля — это колея Великобритании? Да, в 1919 году англичане расстреляли мирную демонстрацию в индийском Амритсаре из винтовок и пулеметов. Это значит, что расстрел мирной демонстрации — это колея Великобритании? Конечно, нет. Да, это преступление, которое было совершено в истории или совершалось в течение десятилетий, но с которым покончено. И то же самое можно сказать о России. Это никакая не колея, а попытка вернуть Россию в худшие моменты ее истории, чтобы оправдать нынешний момент. Этим самым наши политики признают, что мы сейчас живем не в лучшем, а в худшем моменте нашей истории, аналогичном деспотическим режимам XVIII века или Ивана Грозного.

Это подводит нас к следующей позиции. Идет тотальное оправдание самых отвратительных персонажей русской истории, их тотальное возвеличивание. Это, конечно, Иван Грозный, это Петр I, это Иосиф Сталин — это люди, которые не жалели человека, которые, пользуясь словами Янова⁶, занимались людодерством. Об этих персонажах говорят: «Да, были издержки, но в целом это было полезно, это было очень нужно и важно для строительства государства. Эти люди восстановили или создали государственную мощь России». Нынешним правителям важно подчеркнуть, что ради каких-то идей империи, государства можно приносить в жертву человека. Вот, собственно говоря, посыл, ведущий к восхищению Сталиным, Иваном Грозным, Петром I или же таким отвратительным человеком, как Григорий Распутин.

На телевидении постоянно появляются фильмы и рассказы о том, что в общем они неплохие ребята, сделавшие для России много полезного. А люди и периоды, связанные с либерализацией России, либо замалчиваются, как, например, период Новгородской или Псковской республик — о них сейчас просто не принято говорить, либо объявляются вредными, ведущими к революции. Как ни странно, реформы Александра II, а уж тем более манифест 17 октября 1905 года, объявляются разрушительными, деструктивными действиями. Кстати, все более положительной фигурой становится император Николай I и его «замораживание», которое закончилось, как известно, катастрофой Крымской войны. О катастрофе не упоминают, но о «замораживании» говорят. И понятно, что к таким периодам либерализации, которые всегда предшествуют революции, относится перестройка Михаила Горбачева и деятельность Ельцина. Это тоже период либерализма, который чуть не погубил Россию. А сейчас там новые сильные парни из КГБ, они все взяли в свои руки и теперь все хорошо.

С этим связана еще одна характерная идея, что Россия — это всегда осажденная крепость, что вокруг враги, а уж тем более Запад. Запад — это всегда враг. О татаро-монгольском иге не принято говорить, потому что сейчас татары живут в России, они даже находятся в близких отношениях с господином президентом, а о Западе говорится очень жестко. Запад всегда был врагом России: и при Иване Грозном — Ливонская война, и при Петре I — Северная война, но при этом забывается, что на самом деле это были войны коалиций. Это, конечно, неправда, это ложь, мне приходится об этом много говорить, но это — определенная тенденция. Хочется сказать — вот сейчас мы в изоляции, все против нас. Сейчас в ООН нас поддерживает 10 государств, а 100 государств выступает против России, но это нормально. Так было всегда, потому что мы — хранители истины, а все живут той или иной ложью: масоны, евреи, коммунисты, геи... Разным людям нравятся разные пугалки, и все они, естественно, выдвигаются.

Наконец, главное: идея идей, что у них на Западе государство служит человеку и в итоге все разваливается. И терроризм, и беспринципность,

⁶ Александр Львович Янов (род. в 1930 г.) — советский, впоследствии американский историк, политолог и публицист.

а у нас в России традиционно человек служит государству, отдает свою жизнь за государство. Велик не тот, кто сотворил что-то для общества, а велик тот, кто отдал жизнь за государство, за величие империи. Это совершенно другой подход: человек — средство, государство — цель. К сожалению об этом говорится даже с церковной кафедры, хотя это, безусловно, идолопоклонство, это превозношение государства. Но эта идея государственничества, когда государство — цель, а человек — средство, очень важна. Весь этот комплекс идей и, соответственно, исторических доказательств этого ложится в современный дискурс истории, которая на самом деле является пропагандой. Почему? Потому что она не соответствует истине, это попытка скомпоновать мозги людей, а не попытка открыть правду, не попытка обнаружить истину.

Я получаю в Фейсбуке очень много писем со всего русскоязычного мира, где мне пишут: «Спасибо, профессор, мы этого вообще не знали. Нас учили в школе и в университете совсем другому. Вы рассказываете нам про другую историю нашей страны. Мы Вам благодарны». Естественно, я получаю немало и совершенно других писем.

Сама власть по факту не разделяет эти внедряемые в общество идеи. Она, может быть, разделяет их достаточно в головах, потому что генералов и офицеров КГБ этому учили в кагэбэшной школе. Но по факту они их не разделяют. У Путина обе дочери живут на Западе. У всех этих людей недвижимость на Западе. Когда заболевает апологет пропаганды Кобзон, он едет лечиться в Германию, а почему-то не ложится в московскую клинику больницу. Он считает, что если ему не разрешают лечиться на Западе, это негуманно. Почему же это негуманно? Миллионы людей лечатся в России, а для Кобзона это негуманно. Он же сам — первый противник Запада, он в списке людей, которым не разрешено ездить на Запад именно из-за поддержки путинского экстремизма.

Буквально перед тем, как я приехал в Чехию, глава Ростуризма заявил, что русским следует пересмотреть свои формы отдыха. Отдыхать на берегу моря каждый год — это вообще никогда не было принято, это даже не нужно, даже богатые люди так не делают. Естественно, на следующий день добрые люди напечатали, что у него есть вилла на Сейшельских островах. Это совершенно характерная ложь и лицемерие, которые хуже любой идеологической индоктринированности. Лучше бы эти люди верили в свои идиотские идеи, но они в них не верят. Они отравляют ими людей, а сами и капельки этого яда не хотят принять в себя. Не думайте, что это их родное. Это кушанье замешано для народа. Сами они едят другую пищу. Не давая нам возможности покупать французский сыр, сами они себе в этом не отказывают.

И наконец, последнее. Опасно ли это для Европы?

Вроде бы, это чисто русские темы, русские проблемы, русская история. Какое отношение к этому имеет Европа, которая, в общем, толком и не знает русской истории. Самое большое. Потому что нынешняя Европа, пережив в XX веке две катастрофические войны, стала иной. Из Европы агрессивных национализмов, которой она была накануне 1914 года, из Европы геополитического безумия,

какой она была накануне 1938–1939 годов, Европа стала страной человека. Не наций, не государства, а человека. В Европе принципиально изменилось понимание смыслов. Теперь государство служит человеку, а не человек служит государству, нации, классу, расе, чему угодно. Но в Европе находятся люди, которые опять начинают петь старые песни, которые пытаются забыть или заставить других забыть, к чему пение этих песен привело в XX веке. И конечно, для них русский опыт — не в частности нашей истории (я думаю, что Марин Ле Пен⁷ плохо знает, кто такой был Иван Грозный), но в основном модусе подхода к прошлому — совпадает с путинским.

И поверьте, что если это отношение, подпитываемое миграцией, терактами, быть может, экономическими проблемами в будущем, если эта тенденция, которая лицемерно и лживо готовится в лаборатории Путина, возобладает в Европе — а это очень важно для Путина, так как Путину очень важно разрушить единство европейского и евро-атлантического мира, потому что санкции топят его режим и ему надо от них избавиться — если это получится, то одним исчезновением санкций не обойдется. Европейский мир опять окажется ввергнутым в тот страшный период, когда происходит борьба народов, борьба классов, когда человек перестает быть ценностью, а становится или средством, или, как, скажем, евреи в нацистской Германии, помехой, как вредоносное насекомое. И это, безусловно, будет величайшей трагедией для Европы. Больше, чем две мировые войны.

Поэтому сейчас задача и нас в России, и вас в Европе — объединить свои силы, чтобы человек оставался высшей ценностью и в истории как ее мерило, и в политике как принцип демократии, и в жизни! И тогда вместе с Россией у Европы будет будущее. Иначе будущего не будет ни у России, ни у Европы.

⁷ Марин Ле Пен (род. в 1968 г.) — французский политик-националист и юрист, с 2011 года председатель партии «Национальный фронт», депутат Европейского парламента. Открыто высказывает взгляды, созвучные позиции российского президента Владимира Путина. На финансирование избирательной кампании в муниципальные органы в 2015 году получила крупный финансовый кредит от Первого чешско-российского банка.

Александр Даниэль, петербургский «Мемориал»

Александр Даниэль — научный сотрудник петербургского «Мемориала». В прошлом участвовал в публикации советского самиздатского бюллетеня «Хроника текущих событий». Член объединения «Мемориал» с 1988 года. В настоящее время работает над проектом «Виртуальный музей Гулага». Занимается изучением истории советского диссидентского движения 1953–1986 годов и исторической памяти. Автор статьи «Советский Союз и Пражская весна», опубликованной в книге «За вашу и нашу свободу» (ÚSTR — Torst, Прага, 2010).

В предварительном наброске программы конференции говорится, что в современной России дискуссия о тоталитарном прошлом и, в частности, о терроре «отодвигается на задний план». Я хотел бы оппонировать этому мнению. Я надеюсь показать, что дело обстоит не совсем так или даже совсем не так. Для начала позвольте мне провести небольшой и, по необходимости пунктирный, ретроспективный обзор метаморфоз, происходивших с общественной памятью о советском государственном терроре в течение последних нескольких десятилетий, начиная с того момента, как сам этот террор в его наиболее brutальных формах отошел в прошлое. То есть, начиная со смерти Иосифа Сталина.

В умонастроении советских людей, особенно интеллигенции, всегда существовали две мировоззренческие тенденции. Одна — это тенденция к поддержке и одобрению жесткой государственной регламентации всей публичной и интеллектуальной жизни в стране, к силовому решению любых возникающих вопросов, к строгой изоляции от «враждебного Запада». Вторая тенденция до 1956 года существовала лишь в умах (и еще, может быть, в латентной оппозиционности культуры), в виде неоформленной мечты о большей интеллектуальной свободе, о постепенном переходе от партийно-полицейского режима к более демократическим формам общежития, об ослаблении невыносимого экономического гнета, о возможности коллективной инициативы снизу.

1956 год не создал эти два лагеря — он лишь дал им названия. Сторонников завинчивания гаек стали называть «сталинистами», их оппонентов — «антисталинистами». К этому моменту уже ушли в прошлое и классический сталинизм как совокупность конкретных политических технологий, и массовый государственный террор как основной инструмент социального инжиниринга, и сам Сталин. Поэтому выбор названий для обоих лагерей уже

тогда означал, что фокусом актуальных политических дискуссий становится историческая проблематика. Впрочем, в то время те, кого именовали сталинистами, сами избегали называть себя так. Они предпочитали говорить о себе как о «защитниках партийной линии» в искусстве, идеологии и науке.

Проблема заключалась в том, что еще при Хрущеве сверху сразу же был наложен жесткий запрет на любые попытки анализа и осмысления исторического сталинизма. Предписано было относиться к нему как к случайному эксцессу, уродливому отклонению от магистральной линии истории. Ни в коем случае не позволялось рассматривать сталинизм как исторический феномен, который возник в силу определенных обстоятельств и развивался в соответствии с определенной исторической логикой.

Брежневское руководство сочло за благо просто снять вопрос с повестки дня. В течение двух с лишним десятилетий, с 1964 по 1987, сталинизм не восхваляли и не порицали, о нем просто не упоминали. Это не значит, что исчезла сама коллизия; напротив, она обострилась до предела. Но она была полностью вытеснена из официального употребления, сохранившись лишь в художественной литературе, театре и кинематографе, в виде многочисленных аллюзий и намеков, которые позволяли себе литераторы, кино- и театральные режиссеры как либерального («левого»), так и охранительного («правого») направления.

Итак, тема ушла из официального употребления — но не из публичной сферы в целом. Дискуссия о сталинизме ушла в самиздат. Именно в самиздате она развернулась по-настоящему. Именно вокруг этой дискуссии начало консолидироваться численно небольшое, но чрезвычайно активное сообщество, участников которого позднее назвали диссидентами. Достаточно взглянуть на перечни самиздатских текстов 1950-х и первой половины 1960-х: тема сталинизма занимает в них ведущее место, как в мемуаристике и публицистике, так и в художественной литературе, как в текстах отечественного происхождения, так и в переводах западных авторов. Вся так называемая «вторая культура», культура самиздата, насквозь пропитана пафосом антисталинизма.

А когда во второй половине 1960-х советский самиздат начал наполняться текстами протестного движения, казалось бы, к сталинизму как таковому прямого отношения не имеющими, и в этих текстах постоянно звучала мысль о недавнем трагическом прошлом как основании для сегодняшней гражданской озабоченности и движущей силы протестной активности. Актуальная борьба за гражданскую свободу в Советском Союзе оказалась неразрывно связана с «борьбой за историю», с сохранением и осмыслением памяти о прошлом. Прежде всего — памяти о сталинском терроре.

Самым грандиозным актом осмысления отечественной истории в тот период был, конечно, «Архипелаг ГУЛАг» Александра Солженицына — первая попытка соединить два потока памяти о терроре: диссидентскую публицистическую рефлексию и различные варианты концептуального осмысления прошлого с «устной историей», личной и семейной памятью, показаниями свидетелей

террора. Очень возможно, что если бы «Архипелаг ГУЛАг» стал широко известен советскому читателю в 1967 году, когда он был закончен, — или хотя бы в 1974-м, когда он был напечатан на Западе, — то сегодня мы имели бы состоявшуюся и устойчивую национальную историческую память о советской эпохе. И другую страну в придачу — возможно, более свободную. Однако, этого не произошло. В 1970-е труд Солженицына дошел до тысяч читателей, но не до миллионов.

Вторая грандиозная попытка консолидировать национальную память относится к эпохе перестройки, когда диссидентская рефлексия о прошлом стала доступной массовому читателю. Среди проблем, бурно обсуждавшихся по всей стране, — в периодической печати, на многотысячных митингах, на Съезде народных депутатов, — историческая проблематика играла ключевую роль. Казалось, что национальный консенсус — по крайней мере, относительно сталинизма — уже достигнут или вот-вот будет достигнут. Казалось, что сталинистов — совсем немного, что они представляют собой маргинальное и крайне непопулярное направление общественной мысли. Однако осмысление прошлого оказалось более тяжелой и трудной задачей, чем этого ожидала либеральная интеллигенция. Из-за нехватки времени я вынужден лишь конспективно назвать проблемы, с которыми столкнулось массовое сознание, пытающееся освоить новое знание и новое понимание истории.

Первое. Оказалось, что массовое сознание вполне готово помнить о жертвах — но совсем не готово помнить о преступлениях и о преступниках. Оказалось, что людям проще воспринимать национальную катастрофу как род стихийного бедствия, за которое никто не несет ответственности.

Второе. Оказалось не так-то просто распределить амплуа злодеев и праведников среди действующих лиц исторического процесса. Население узнавало о государственном терроре все больше и больше, но в рамках отечественной истории не находилось тех сил, на которые можно было бы возложить функции абсолютного Добра и абсолютного Зла. А это необходимо массовому сознанию: чтобы освоить историческую трагедию, люди должны отождествить себя с одной из этих ролей — желательно, конечно, с Добром, хотя в крайнем случае можно, как это сделали немцы, отождествить себя и со Злом — чтобы отмежеваться от него. Размытость границы между «жертвой» и «палачом», характерная для многих эпизодов советского террора, имела здесь роковое значение. Публика не сумела выстроить для себя ту точку опоры, ту систему нравственных координат, исходя из которых она могла бы судить о прошлом. «Суд истории» не состоялся ввиду неявки истцов и ответчиков.

Кстати, именно поэтому у наших восточноевропейских соседей, от Украины до Польши и Прибалтики, нет таких тяжелых проблем с освоением советского периода истории, как в России. Они идентифицируют себя с жертвами, или борцами, или с теми и другими одновременно — и никогда с палачами. Другой вопрос, всегда ли это отождествление находится в согласии с историческим знанием, но мы не о знании говорим, а о памяти.

Третье. В отличие от нацистов, которые в основном убивали чужих — поляков, русских, евреев, мы убивали в основном своих, и сознание отказывается принимать этот факт. В памяти о терроре мы не в состоянии распределить главные роли, не в состоянии расставить по местам местоимения «мы» и «они». Эта невозможность отчуждения зла и является главным препятствием к формированию полноценной памяти о терроре. Она усугубляет ее травматический характер.

Наконец, еще одно обстоятельство. Борьба за национальную память изначально была борьбой политической. Сталинисты и антисталинисты отождествляли себя соответственно с идеей «порядка» и идеей «свободы». В 1991 победила идея свободы. Последовавший немедленно вслед за этим крах СССР, экономический шок, внутренний кризис самой новорожденной российской демократии осенью 1993-го, чеченская война. Все это заставило многих и многих сторонников «свободы» перейти на сторону «порядка». Соответственно, антисталинистские настроения пошли на убыль. С другой стороны, мечта о порядке привычно связывалась с воспоминанием о «сильном» государстве, которое мы потеряли и теперь склонны были сакрализировать его образ. Но сакрализация государства — основа основ сталинистского мироощущения. Массовая переоценка ценностей стала неизбежной.

Все это привело к тому, что сразу вслед за крахом СССР и окончанием перестройки память о терроре была быстро вытеснена на периферию массового сознания, где и пребывала в течение 1990-х и начала 2000-х. Это была тематическая периферия: память о терроре присутствовала в эти годы в национальном сознании, но далеко не на первом месте. На первом месте — война и Победа. Дальше идут разного рода достижения: индустриализация 1930-х, преодоление послевоенной разрухи, превращение страны в ядерную сверхдержаву, которой все боятся и уважают, освоение космоса, сравнительно благополучная жизнь в годы брежневского застоя. Репрессии, террор — это события третьего ряда, где-то рядом с революцией, гражданской войной, нашествием поляков в 1612 году и денежной реформой 1947 года. Это была географическая периферия: память о терроре оказалась гораздо более укорененной в провинции, нежели в столицах. Естественно, в первую очередь это касается сильно-лагерных регионов: Урала, Сибири, Дальнего Востока, европейского Севера.

Наконец — и это самое важное, — с середины 1990-х и до середины 2000-х память о терроре была выключена из мейнстрима советской истории, если понимать под мейнстримом общенациональный исторический нарратив, осевую последовательность общеизвестных событий прошлого, связанную причинно-следственными отношениями.

Каковы характерные черты этой, до недавнего времени периферийной, памяти? В основном, эти черты — зеркальное отражение названных мною трудностей освоения Россией своего травматического прошлого.

Это — почти всегда память о жертвах, и почти никогда — о преступлениях и преступниках.

Это — память, лишенная нравственных, правовых и даже политических оценок.

Еще в середине 2000-х это была память в первую очередь региональная и фрагментарная, выключенная из Большой истории. В каждом отдельном регионе помнили о событиях, происходивших в этом именно регионе и почти не связывали их — или связывали формально и поверхностно — с тем, что происходило в стране в целом. Так, например, в уральском Краснотурьинске, бывшей «столице» Богословлага⁸, отлично помнят о каторжном труде ссыльных немцев Поволжья на строительстве местного алюминиевого комбината в годы войны; эта память реализована в городских памятниках, в экспозициях местного музея, в мемориальных досках на промышленных объектах, выстроенных трудармейцами и заключенными. Но эта память парадоксальным образом не включает в себя память о тотальной депортации советских немцев в августе 1941 года и вообще не связывается с репрессивными аспектами сталинской национальной политики.

Наконец, это память, полная внутренних противоречий и взаимно несовместимых оценок в рамках одних и тех же сюжетов. Так, в Норильске хорошо помнят о лагерном прошлом своего города, сочувствуют героям Норильского восстания заключенных в 1953 году — и одновременно чтут имя отца-основателя этого города, начальника Норильскстроя генерал-лейтенанта МВД Авраамия Завенягина⁹. В Магадане — столице Колымских лагерей — сформировался аналогичный культ вокруг имени начальника Дальстроя Эдуарда Берзина.¹⁰

И еще одна особенность этой памяти. В ее восстановлении и сохранении активно участвует общественность, очень часто — при поддержке органов местного самоуправления, иногда — при содействии региональных властей. Но государственная власть на федеральном уровне в каком-либо интересе к этой памяти не была замечена до самых последних лет. Тема сталинского террора была полностью исключена из государственной исторической политики, по крайней мере, до 2009 года.

И, если бы я выступал здесь лет семь-восемь назад, мне и в голову не пришло бы оспаривать тезис, выдвинутый организаторами этой конференции, о том, что в России дискуссия о советском государственном терроре отодвинулась на задний план. Но с тех пор в общественном сознании произошли некоторые важные сдвиги. В середине 2000-х в России возникло новое, до тех пор

⁸ Богословлаг (Богословский исправительно-трудовой лагерь) — один из лагерей ГУЛага на Северном Урале, основанный в 1940 году с целью строительства завода по производству алюминия и обслуживания здешних бокситовых рудников.

⁹ Авраамий Завенягин (1901–1956) — представитель советской промышленности, в 1939–1941 годах возглавлял Норильскстрой — государственное предприятие, которое должно было начать добычу минерального сырья, прежде всего никеля, в области Норильска и за северным полярным кругом, для чего использовался труд заключенных исправительно-трудовых лагерей ГУЛага.

¹⁰ Эдуард Петрович Берзин (1894–1938) — сотрудник советских тайных служб и один из главных основателей т. наз. Дальстроя — государственного предприятия, которое обеспечивало добычу минеральных богатств в областях Сибири и использовало для этого труд заключенных исправительно-трудовых лагерей ГУЛага.

небывалое явление: общественные движения, написавшие на своих знаменах имя Сталина, оправдывающие и превозносящие его террористические методы управления страной и требующие его политической реабилитации. Это был совершенно новый поворот сюжета в полувекковой дискуссии между «сталинистами» и «антисталинистами».

Как я уже говорил в самом начале, раньше оппоненты антисталинистов избегали прямо позиционировать себя в качестве апологетов и последователей советского диктатора. За исключением нескольких маргинальных групп, в России не было общественных сил, пытавшихся идеологически оформить латентно существовавшие сталинистские настроения. Теперь такие силы появились. В качестве примера можно назвать хотя бы движение «Суть времени», возглавляемое Сергеем Кургиняном¹¹, человеком талантливым, циничным и совершенно беспринципным. В некоторых регионах это движение уже представляет собой заметную политическую силу. В 2013 году Кургинян собирал в Москве многолюдные митинги и устраивал многолюдные марши, «альтернативные» митингам и маршам демократической оппозиции. А, скажем, в Перми именно «сутьвременцы», объединив свои усилия с местными коммунистами, оказали решающее влияние на скандальное решение краевой администрации о захвате и фактическом разгроме Музея политических репрессий «Пермь-36».

Интересно, что сталинистские движения далеко не всегда располагаются в коммунистической части политического спектра. Так, среди радикальных националистов ярко антикоммунистического направления есть и такие, кто превозносит Сталина как «победителя коммунизма», а его деятельность — в особенности, Большой террор 1936–1938 годов — рассматривает как уничтожение большевизма и ленинизма во имя восстановления Великой России. Бытует такая точка зрения и в некоторых фундаменталистских православных кругах. В любом случае, Сталин как историческая фигура явно отеснил на задний план полузабытого Ленина, чья личность и деятельность уже почти не привлекает общественного внимания.

Вопреки мнению, широко распространенному в Европе, все эти общественные движения вовсе не являются ни проектом Кремля, ни марионетками Путина. Конечно, упомянутый мною Кургинян умело эксплуатирует те же идеологические клише и стереотипы, которые обеспечили Путину массовую поддержку в его восхождении к бесконтрольной власти над страной; конечно, Путин с удовольствием подхватывает и развивает «антиоранжевую» и антизападную риторику крайне правых. Но это говорит скорее о мировоззренческом родстве, чем о политическом манипулировании.

Новые, идеологические сталинисты, будь они коммунистами или антикоммунистами, опираются, прежде всего, на так называемый «народный сталинизм» — выражение протестных настроений масс в виде симпатии к Сталину и ностальгии по мифологизированному прошлому. Ведь миф

¹¹ Сергей Кургинян (род. в 1949 г.) — театральный режиссер и радикальный политический и общественный деятель, председатель крайне левого патриотического движения «Суть времени».

о Сталине как о суровом, но справедливом отце народа, грозе начальников и ворюг никогда не исчезал полностью из народного сознания. В последние два десятилетия сталинский миф набирает все большую и большую популярность. Заметим, что, вопреки чаяниям либералов, этот миф пользуется возрастающей популярностью среди молодежи; впрочем, это, возможно, связано с катастрофическим общим падением культурного и образовательного уровня в стране.

Я пока ни слова не сказал о первых лицах государственной власти — попросту, о Путине и его окружении — как о действующих лицах исторической памяти. Вообще-то, это самый неинтересный вопрос из всех, связанных с нашей тематикой. Не государственная власть создает базовые трудности нашей работе с прошлым. Она способна всего лишь породить бесконечные административные препоны нашей деятельности, вроде «закона об иностранных агентах»¹² и тому подобных пакостей — но она это делает по отношению к любой независимой, неподконтрольной ей, власти, общественной инициативе. Поэтому мне хотелось бы отделаться от указанного вопроса в нескольких словах.

В течение последних пяти-восьми лет первые лица — Путин, Медведев, некоторые высшие сотрудники президентской администрации — начали проявлять явный интерес к нашей теме, демонстрируя свое отвращение к сталинизму и главным образом сочувствие жертвам сталинского террора. Часто это были чисто символические жесты, как, например, посещение Путиным мемориального кладбища жертв репрессий в Бутово в 2007 году. Но и такие жесты были небесполезны, они как бы легализовали тему в сознании нижестоящего начальства и таким образом облегчали нашу работу и работу наших коллег в регионах. Иногда при этом они прибегали ко вполне «мемориальной» риторике, как например, Дмитрий Медведев в своем обращении в Твиттере по случаю Дня памяти жертв политических репрессий в 2009 году. Хочу сразу сказать: для нашей темы совершенно не имеет значения, говорил ли он искренне или из политических соображений. В качестве сигнала стране и чиновникам эта речь сыграла позитивную роль.

Другие примеры — долгая и довольно бессмысленная, хотя в некоторых частностях и полезная работа над федеральной программой работы с советским прошлым, начатая совместно президентским Советом по гражданскому обществу и «Мемориалом» еще при Медведеве и продолженная и принятая при Путине — эту программу пресса еще в 2012 окрестила «программой десталинизации». В ходе межведомственной утряски из нее, разумеется, выпали почти все наиболее важные пункты, и в своем окончательном виде она представляет собой опять-таки программу «увековечивания памяти жертв». На сегодняшний день эта гора породила двух небольших мышек: принятый в августе 2015 года правительственный документ под громким

¹² Т. наз. «Закон об иностранных агентах» был принят в 2012 году. Кроме прочего, он обязывает все неправительственные организации, принимающие финансовые средства из-за рубежа, указывать в официальных документах и на веб-сайтах свой статус иностранного агента.

названием «Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий» и правительственный же законопроект, подписанный в конце октября и предусматривающий, в частности, государственную поддержку некоммерческим организациям, занимающимся деятельностью по увековечению этой самой памяти — то есть, например, нам, «Мемориалу».

В общем, на сегодняшний день путинский режим старается позиционировать себя как относящийся к коммунистическому террору скорее отрицательно, чем положительно. Не забывая, впрочем, подчеркивать, что это отрицательное отношение не распространяется на советское прошлое в целом. В высших эшелонах власти, скорее всего, не испытывают потребности в политической реабилитации Сталина и в оправдании преступлений сталинизма. Но все это не имеет принципиального значения. Принципиально другое: Путин и путинская элита упразднили в России политическую демократию и резко ограничили гражданскую свободу, то есть по мере своих сил сделали то, что делали большевики и завершил Сталин.

Свобода средств массовой информации практически ликвидирована, и правительственная пропаганда беспрепятственно навязывает населению абсолютно сталинские психологические стереотипы: «враждебное окружение» вовне и «пятая колонна» внутри страны. В течение последних полутора лет, начиная с агрессии против Украины, с невероятной скоростью усиливается антизападная риторика. Демократические и либеральные ценности целенаправленно искореняются из национального сознания и подменяются идеологическими конструктами, корни которых уходят в эпоху позднего сталинизма: великая держава как главное национальное достояние, унаследованное нами от предков, вытекающая отсюда сакрализация государственной власти, единение народа вокруг родного правительства как единственное средство избежать вражеских козней. И, разумеется, непримиримая борьба с врагами внешними и внутренними как единственный способ «поднять Россию с колен» и обеспечить ее безопасность и величие. В последнее время все громче звучит и тема «богоспасаемого вождя», посланного России провидением.

Все это перечеркивает любые попытки путинизма, неважно — искренние или лицемерные, — отмежеваться от сталинского наследия. Путинизм не может этого сделать, как бы он этого ни хотел, потому что актуальная политическая практика и идеологические основы автоматически реанимируют его исторический прототип — коммунистический режим, кульминацией которого был сталинизм. Хочу еще раз подчеркнуть, что импульсы, исходящие от власти, здесь вторичны. Путинизм — не порождение кучки политтехнологов, воодушевленных провалом либерализма и демократии в России в 1990-е. Путинизм — это политико-мировоззренческий ответ на запрос значительной части населения, фрустрированной этим провалом. И этот ответ был найден — сначала массами, а потом уже политическими элитами — в обращении к наследию непреодоленного прошлого.

Поэтому торжество путинского национального проекта не могло не вызвать в обществе новой вспышки интереса к этому наследию. Сегодня проблема общих оценок советской эпохи вновь стала эпицентром противостояния между сторонниками свободы и сторонниками так называемого «порядка». И действительно, дискуссия о сталинизме отнюдь не «отодвинулась на задний план». Она вновь вернулась на авансцену общественной и политической жизни страны, а вместе с ней возвращается в центр общественного внимания и память о терроре. В прессе вновь появилось огромное количество публикаций, связанных с болезненными точками советской истории — Большим террором, пактом Молотова — Риббентропа, захватом Прибалтики, Катынью и т. д. — публикаций как антисталинских, так и просталинских. Еще в конце 2000-х на телевидении был запущен ряд проектов, посвященных советской истории, и уже тогда эти проекты вызвали, как утверждают социологи, повышенный интерес телевизионной аудитории. Были экранизированы романы Солженицына и рассказы Шаламова, одновременно на экран вышел гламурный сериал «Сталин-life», рисующий образ вождя в сентиментально-патетических тонах. Тогда же были выпущены новые школьные учебники истории и учебно-методические пособия, основной пафос которых состоит в оправдании сталинизма как якобы безальтернативного пути исторического развития страны, в которых, наконец, уделено должное место теме сталинизма и террора.

В ответ начали возникать — и возникают до сих пор — многочисленные антисталинские общественные инициативы. Выдвигаются проекты создания общенациональных музейно-мемориальных комплексов, посвященных истории террора и его жертвам — российских Яд ва-Шемов¹³, в эти группы входят заметные общественные и политические деятели, журналисты, ученые, деятели культуры. Совсем недавно появилась и уже начала успешно реализовываться новая инициатива, о которой вы, наверное, слышали — проект «Последний адрес».¹⁴

С другой стороны, в ряде городов сталинисты требуют установки памятников генералиссимусу: кое-где такие памятники уже поставлены, при вялом сопротивлении муниципальных властей. Блогосфера российского Интернета заполнена яростными спорами о роли Сталина в российской истории. Интересно, что в этих спорах подавляющее большинство сталинистов, — в отличие от, например, 1980-х годов, — уже не пытается опровергать сам факт террористических кампаний и масштабы террора; спор идет не о фактах, а о нравственных и политических оценках событий. Все это совсем не похоже на «отодвигание дискуссии о тоталитарном прошлом на задний план». Скорее, это напоминает бурные события и яростные споры о прошлом, вспыхнувшие во второй половине 1980-х, в годы перестройки. Как и тогда, спорящие вновь

¹³ Яд ва-Шем — мемориал, посвященный жертвам и героям холокоста в Израиле. Был основан законом, принятым израильским парламентом в 1953 году.

¹⁴ «Последний адрес» — российская гражданская инициатива, цель которой — напомнить о судьбах людей, ставших жертвами репрессий в эпоху советской власти.

поднимают старые знамена «сталинистов» и «антисталинистов»; как и тогда, эти знамена — лишь декорация, символ политической борьбы между силами реакции и сторонниками свободы. Тогда наступающей стороной были «антисталинисты»; к сожалению, не уверен, что сегодня дело обстоит таким же образом.

Чем все это кончится, я, разумеется, не знаю и не берусь предсказать. Ясно одно: как и в 1980-е, актуальность и острота этого спора напрямую связана с судьбой существующего политического режима, независимо от того, решится ли нынешняя верховная власть принять активное участие в нем на той или другой стороне или будет продолжать вяло лавировать между теми и другими.

Вопрос из публики

Комиссия по фальсификации истории — можно ли рассказать о ней поподробнее?

Андрей Зубов

Речь идет о Комиссии по фальсификации истории в ущерб российскому государству, т. е. имеется в виду, что фальсифицировать на пользу российскому государству можно. Эта комиссия была создана на очень высоком уровне, ее возглавил Сергей Нарышкин, сейчас он является председателем Государственной думы, а тогда, если мне не изменяет память, он возглавлял президентскую администрацию.

Эта комиссия ничего не сделала. Ее задачей, как я понимаю, была борьба с какими-то оправданиями фактов, связанных в первую очередь со Второй мировой войной, с пактом Молотова — Риббентропа, но она ничего не сделала. Она оказалась мертворожденным дитем. Более того, один из наших академиков, Валерий Тишков¹⁵, тут же заявил, что он будет выявлять эти фальсификации в институтах Академии наук, но над ним, естественно, начали смеяться, он тихо стушевался и ничего тоже делать не стал. Оказалось, что это неработающий проект, а это тоже очень важно. У кого-то было желание контролировать историю, но потом оно отпало.

Второй момент, о котором говорил Александр Юрьевич Даниэль, — это концепция преподавания истории в школе. Насчет этой концепции тоже было сломано очень много копий, и в итоге ее разработали. Возглавлял эту работу академик Александр Оганович Чубарьян¹⁶, концепция эта своеобразная. Она, в общем, исходит из гегелевской формулы, что все действительно разумно, все разумное необходимо. Т. е., соответственно, все, что было, нужно. Вот были репрессии — они нужны. Да, там было много плохого, но объективно в это время строилась наша промышленность.

С одной стороны, был принят закон, распространяющий уголовное наказание вплоть до смертной казни на детей и подростков, и это признается в этой концепции, а с другой стороны там говорится, что советская власть обеспечила счастливое детство советских детей. Это некая абсолютно беспринципная модель, которая учит только одному — что в истории нет правды.

Но это самое опасное, потому что на самом деле история должна учить тому, что в истории есть правда, хотя очень часто побеждает неправда. Но победа неправды никогда хорошим не кончается. Этот релятивистский подход, что в истории нет правды, представляет собой главную идею принятой концепции, по которой сейчас пишутся учебники.

¹⁵ Валерий Александрович Тишков (род. в 1941 г.) — русский этнолог, историк и социальный антрополог.

¹⁶ Александр Оганович Чубарьян (род. в 1931 г.) — советский и российский историк, специалист по современной истории России и истории международных отношений.

Вопрос из публики

В своей книге Вы говорите о том, что часть архивов времен Советского Союза до сих пор недоступна. Чем вы это объясняете?

Андрей Zubov

Я могу сразу честно признаться, что я не архивист и не работаю с архивом. Если бы здесь был Сергей Владимирович Мироненко¹⁷, директор нашего главного архива, он бы лучше об этом рассказал. Но я знаю, что в 2014 году было принято решение продлить гриф секретности для тех документов, которые уже должны были быть открыты, так как у нас действует 75-летний период обязательной секретности и для периода 1937 и 1938 годов он, как вы понимаете, уже истек. Было принято решение продлить гриф секретности. Более того, даже в документах, которые уже были открыты, которыми можно пользоваться, остаются заклеенные, закрытые страницы, и их не так мало. Кроме того, есть целые кластеры архивов, которые полностью закрыты — например, архивы, связанные с внешней разведкой, а возможно, и с какими-то вопросами внутренних архивов НКВД.

Почему? Здесь, конечно, можно только гадать. Вернее, кое-что мы знаем наверняка, а кое о чем мы можем гадать. Мы наверняка знаем — и об этом уже не раз говорилось, — что нельзя ничего знать о палачах. О жертвах — пожалуйста. Заклеенные страницы — это доносы, это подписи, это палачи или соучастники преступлений — секретные сотрудники, добровольные сотрудники НКВД. О них ничего нельзя знать, нельзя знать их имен. Мы не должны допустить мести. Естественно, поскольку у власти находится КГБ, то речь идет об их собственных отцах и дедах, и они не хотят, чтобы имена их отцов и дедов мусолили. Но не только это. Дело в том, что нынешнее ФСБ, а это практически продолжение КГБ, должно сказать: своих мы не выдадим никогда. И так же, как мы не выдаем тех, кто расстреливал, допрашивал, мучил, пытал, доносил в 1930-е и 1940-е годы, мы не выдадим и тех, кто сейчас ведет работу по нашему указанию. Это не будет известно никогда, потому что если все имена палачей и соучастников преступлений сталинского времени станут известными, соответственно, многие сегодня не захотят соучаствовать в аналогичных преступлениях, потому что если не сами они, то их дети будут стыдиться дел отцов. Не всем этого хочется. Поэтому это очень серьезное дело. Об этом мы знаем. Из-за этого заклеиваются страницы в тех делах, которые выдают близким родственникам.

Возможность работы с архивными документами теперь вообще очень сужена. Ученый уже не может получить все материалы под предлогом, что это нарушает личную тайну, право на интимность информации, а на самом деле лишает ученых возможности проводить широкие исследования. Целый ряд хороших ученых, по-моему, даже отдавали под суд за то, что они публиковали какие-то данные о репрессиях. Я знаю о таких случаях в Архангельской

¹⁷ Сергей Владимирович Мироненко (род. в 1951 г.) — российский историк, в 1992–2016 годах директор Государственного архива Российской Федерации.

области. Большинство ученых — это не великие борцы, никому не хочется сидеть в тюрьме, или получить дисквалификацию, или платить большие штрафы, поэтому многие избегают это делать. Это первое. Кроме того, я как историк кожей чувствую, что есть еще немало архивных глубин, которые, если бы мы до них были допущены, объяснили бы многие большие деяния советской власти. Какие-то действия в области Коминтерна, какие-то действия в области голодомора, какие-то концепции манипулирования обществом, рекомендации по организации голода, для чего это надо делать — они бы окончательно разоблачили советскую власть как преступную. И эти вещи тоже скрываются, потому что нынешняя власть чувствует, что она не с жертвами. Президент Путин не чувствует, что он с жертвами, — он с палачами.

Я вам расскажу один коротенький момент из моей личной жизни. Еще когда я преподавал в МГИМО, на мои лекции по истории религии стал ходить некий молодой человек. Потом я узнал, что этот человек — сотрудник КГБ. Он, собственно, этого особенно не скрывал и с интересом относился к тому, что я рассказываю. И, относясь к нему вполне хорошо, я как-то раз взял его вместе с другими своими студентами на Бутовский полигон, когда там должно было проходить первое совместное богослужение Русской зарубежной церкви и Московского патриархата. Церковь отмечает память жертв Бутовского полигона в мае. Это был прекрасный майский день, цвели яблони, летали птички, пчелы, и вдруг этот молодой человек — причем он был не так молод, ему было не двадцать лет, а около тридцати — говорит: «Я не могу здесь находиться, здесь повсюду запахи тления, у меня ноги проваливаются в эти могилы. Я не могу здесь находиться, я уйду». Он — потомственный казэбэшник! Вот такое чувство испытал этот человек. Это намного более глубокие вещи, чем мы иногда думаем. Это не политика, это, если угодно, экзистенция. И с этой экзистенцией приходится жить нам, но я боюсь, что в какой-то степени с ней приходится жить и вам, дорогие чешские друзья.

Вопрос из публики

Мы все помним, что в годы существования Советского Союза, в том числе и в сталинские времена, Советский Союз пользовался определенной поддержкой на Западе, не только в социалистических странах, но и в культурных элитах капиталистических стран. Сейчас мы видим схожую картину, когда путинский режим поддерживается и определенными кругами на Западе. Как Вы считаете, в чем причина такой поддержки? Это действие российской пропаганды, скажем, канала Russia Today или каких-то российских средств массовой информации, или же причины кроются глубже, в чем-то другом?

Андрей Zubov

На мой взгляд, между тем, что происходило в 1920-е и 1930-ые годы, когда многие видные западные интеллектуалы действительно поддерживали коммунистический режим, и нынешним временем есть большая разница.

1-Й БЛОК — ОБРАЗОВАНИЕ

Дело в том, что тогда эти люди — Ленин их называл полезными идиотами, и это, наверное, правильно, хотя это были замечательного ума люди — они были идиотами в том смысле, что не хотели видеть ужаса и лжи коммунизма, что это никакой не социализм, а страшная бандитская власть, которая отнюдь не заботится о человеке, а наоборот, делает человека только орудием для реализации собственных геополитических и политических целей. Они верили в социализм, увлекались им. Их, например, очень увлекал атеизм, возможность строительства безбожного общества — все это приводило их к поддержке Советского Союза.

Сегодня ничего подобного нет, никаких идейных вопросов, которые бы увлекли, разве что борьба против легализации сексуальных меньшинств. По сравнению с тем, что было, это чепуха. Я думаю, что сейчас дело в другом, в некой внутренней близости. Во-первых, обратите внимание, что Владимира Путина поддерживают и крайне левые, и крайне правые — это же интересный феномен. И его не поддерживает либеральный центр. В чем тут дело? Дело в том, что крайне левых и крайне правых объединяет одно — неуважение к человеку, идея того, что есть нечто больше человека, бóльшая ценность. Для крайне правых — это нация и государство, для крайне левых — это социальный класс, это общество как целое, которому человек должен подчиниться. Это неуважение к человеку и к его свободе, и в Путине они увидели выразителя своих взглядов.

Я думаю, что они абсолютно правы, он таков и есть. Это его внутреннее самоощущение. Очень характерно, например, что он не верит, власть не верит, что украинская революция могла произойти из-за возмущения народа клептократическим режимом Виктора Януковича. Они считают, что все в мире срежиссировано какими-то силами. В свободное проявление свободной народной воли они не верят. Им теперь даже приятнее думать, что революция в России произошла на немецкие деньги и что Ленин был агентом Германии. Принять это легче, чем признать, что это было реальное возмущение народа. Потому что если тогда было возмущение, оно и сейчас может быть. Поэтому я думаю, что Путин стал кумиром тех людей в Европе, которые не верят в свободу, в достоинство человека, в человека как главного субъекта исторического процесса. Они отводят ему только роль объекта. Для людей в Европе, которые так думают, Путин и наш нынешний режим — лучшие друзья.

Ведущий:

Камил Чинатл,
Институт по изучению тоталитарных режимов

Выступающие:

Роберт Латыпов, пермский «Мемориал»

Роберт Латыпов — председатель пермского объединения «Мемориал» и Центра поддержки демократических молодежных инициатив. В 1999–2002 годах был координатором проекта по введению альтернативной гражданской службы и гуманизации военной службы в Пермском крае. Участвует и в других инициативах, направленных прежде всего на образовательную и просветительскую работу с молодежью в сфере информированности о советских репрессиях и системе лагерей ГУЛаг.

Никита Ломакин, московский «Мемориал»

Никита Ломакин окончил Московский государственный университет по специальности «история средних веков», где в 2012 году защитил кандидатскую диссертацию. С объединением «Мемориал» сотрудничал, помимо прочего, в рамках проекта «Мониторинг исторической политики», посвященного анализу восприятия и интерпретации новейшей истории России. В настоящее время работает над проектом Ostarbeiter, который интерактивным образом прослеживает судьбы советских граждан, угнанных на принудительные работы на территорию Германии во время Второй мировой войны и непосредственно после ее завершения.

Тереза Ваврова, Antikomplex

Тереза Ваврова закончила факультет социальных наук Карлова университета по специальности «международные отношения», а также Свободный университет Берлина. В настоящее время возглавляет общественное объединение Antikomplex, работающее в сфере истории и гражданского образования. Учится в аспирантуре, работает над диссертацией на тему «Перспективы гражданского образования в современной истории».

Алиция Ванцеж-Глуза, Центр KARTA

Алиция Ванцеж-Глуза, педагог по образованию, принимала активное участие в деятельности польского оппозиционного движения «Солидарность». В 80-х годах основала антирежимный журнал KARTA, который позже перерос в одноименное общественное объединение. Деятельность Центра KARTA направлена прежде всего на исследование современной истории Польши и государств Центральной и Восточной Европы. Центр также на постоянной основе организует образовательные проекты для молодежи из Польши и соседних стран.

Выставка «Разные войны»

Выставка сравнивает интерпретацию различных моментов Второй мировой войны в учебниках для базовой школы шести стран — России, Чехии, Германии, Италии, Польши и Литвы. Ее целью является представление разных перспектив и взглядов на историю, отражающих особенности конкретных стран — как географические, политические или временные, так и общественные. Выставка была представлена в рамках конференции «История против пропаганды: Отношение к прошлому в современной России», а с марта 2016 года параллельно путешествует по России и странам Европейского союза.

Алиция Ванцеж-Глуза

В самом начале я бы хотела сказать, что выставка «Разные войны», конечно же, представляет лишь малую часть как нашей работы, так и самой темы. То есть того, как Вторая мировая война представлена в самых распространенных и широко используемых школьных учебниках в Чехии, Германии, Литве, Италии, Польше и России. Выставка подготовлена членами исторической группы Гражданского форума ЕС — Россия (EU-Russia Civil Society Forum). Во время подготовки выставки мы размышляли о том, какие конкретные темы и материалы нам следует отобрать, ведь вопросов, связанных со Второй мировой войной, существует огромное количество. Например, в польских учебниках Вторая мировая война занимает целых 45 процентов содержания. Это значит, что молодые люди изучают эту тему в школе в ущерб другим событиям современной истории.

Каким же образом мы решили представить Вторую мировую войну на этой выставке? Каждый из нас выбрал одну конкретную тему: кому учебники приписывают роль главной жертвы, кто виновники и главные действующие лица в момент начала Второй мировой войны, в момент ее завершения и т. д. Разумеется, мы стремились описать конкретные национальные точки зрения. К примеру, для отражения польского подхода самым важным было показать, что Вторая мировая война была для Польши по сути войной с двумя врагами. То есть с Германией с одной стороны и Советским Союзом с другой, так как в сентябре 1939 года на Польшу напали два агрессора, а впоследствии она была дважды оккупирована. Перед нами стоял вопрос, каким образом представить эту конкретную ситуацию, избежав того, чтобы был поставлен знак равенства между двумя оккупирующими государствами. Тем не менее, в польских учебниках зачастую присутствует изложение, одновременно представляющее нацистскую и советскую оккупацию и предлагающее сравнение в различных

сферах — например, сравнение методов гестапо и советской тайной полиции НКВД в борьбе против польского подпольного движения.

Такой подход к изложению национальной истории появился в польских учебниках после падения коммунистического режима. Как вы, наверняка, можете себе представить, раньше проблематика советской оккупации в польских учебниках полностью отсутствовала. А сегодня она, наряду с другими очень важными вопросами, такими как пакт между Гитлером и Сталиным, Катынский расстрел или принудительное выселение, является одной из важнейших тем. Значительное внимание в польских учебниках, конечно же, уделяется и холокосту. Систематическое вытеснение евреев из общественной жизни описывается очень детально: от лишения их гражданских и имущественных прав до трагедии гетто и реализации плана «окончательного решения», то есть физической ликвидации еврейской общины в лагерях смерти, таких как Аушвиц-Биркенау, Собибор и Трелинка. Ситуация в Польше воспринимается как исключительная ввиду высокого числа евреев, проживавших здесь до войны.

Эти темы накладывают отпечаток на содержание современных польских учебников, которые рассматривают не только холокост как таковой, но и то, какое отношение к нему было среди обычных польских граждан. В Польше имели место различные взгляды на немецкие преступления против евреев, от помощи жертвам до участия в преступлениях и пассивности, которая проявлялась чаще всего. Также упоминается участие поляков в инициированном немцами погроме в городе Едвабне, которое, впрочем, представлено как единичный инцидент.

В рамках выставки было проблематично осветить все эти темы, включая последствия Второй мировой войны, так как с польской точки зрения освобождение Красной армией вовсе не было освобождением. Вместе с тем возникла еще одна проблема: как определить точную дату окончания войны. Существует и такое мнение, что Вторая мировая война окончилась в 1989 году, так как этот год принес окончательную отмену Ялтинского передела границ. Таким образом, эта война была очень долгой. Все эти взгляды и концепции сегодня представлены и в наших учебниках, что является очевидной противоположностью ситуации, существовавшей до 1989 года.

Никита Ломакин

Начиная работу по анализу учебников для выставки, я просмотрел и советские учебники, и учебники 1990-х годов. Самое интересное — это наблюдать процесс изменения давящего способа повествования о войне. В 1990-е годы появляется огромное количество совершенно разных нарративов, разных оценок и историй. В первой половине 2000-х годов это понемногу уходит куда-то вглубь. Полярные точки зрения сглаживаются и постепенно уступают место одной довольно четко обозначенной линии. В конце 2000-х, в рамках попытки создать «единый учебник» (неудачной, надо признать), оттачивались формулировки. Однако до этого года учителя могли выбирать

любой учебник из дюжины рекомендованных. Теперь это многообразие официально упразднено — осталось лишь две линейки учебников.

В 1990-х и 2000-х появилась и сохранялась некоторая полифоничность в оценке событий, но насколько я могу судить, в новых учебниках эта полифоничность исчезает. Поясню, о чем идет речь. Самый очевидный пример — это оценка пакта Молотова — Риббентропа. Различные взгляды на этот пакт (в том числе и критические) были каким-то образом отражены в учебниках прошлого. В учебниках нового поколения оценка событий однозначна. Другая спорная тема — это Варшавское восстание. Почему Красная армия не помогла восставшим? Спорность этой темы и разные к ней подходы были отражены в старых учебниках, в новых линейках приводится лишь одно объяснение: не было никакой возможности оказать помощь. Таким образом полифоничность уходит — в самих учебниках закрепляется один подход к изложению событий, объяснению их причин и следствий, количество учебников уменьшается до двух.

Какие темы и как представлены здесь? Структура изложения основных событий войны сохраняется еще с советских времен. Появились некоторые новые темы. Это роль церкви в жизни общества — эта тема подробно расписана. Сравнительно новая тема репрессий, но она представлена очень фрагментарно. Эти темы, однако, не меняют общей парадигмы. Организации Красной армии перед началом войны в новом учебнике посвящена одна страница. О репрессиях в армии здесь говорится одной фразой. Упоминание репрессий не изменяет угла повествования, не приводит к смене парадигмы, к смене ценностей. Это становится лишь очередным перечислением — мол, были еще и репрессии.

Построение рассказа предполагает наличие определенных ценностей — и видно, что этот вопрос авторами учебников не ставится вовсе. Когда про жертвы войны пишется исключительно в разделе «цена победы» (последнем разделе о войне), это автоматически осмысляет все 27 миллионов смертей как жертву во благо мира, снимает вопросы ответственности за столь огромные жертвы. И эта особенность повествования является следствием уже сформировавшегося советского способа рассказывать эту историю, советского построения рассказа о войне.

Конечно, надо сказать то, что многих тем до сих пор нет. Нет, например, истории повседневной жизни 40 процентов населения Советского Союза, попавших в зону оккупации. Это запретная тема. Об оккупации говорится либо как о борьбе партизан против коллаборационистов, либо в целом как об исключительно мрачном времени, без подробностей.

И еще один вопрос, который бы хотелось в связи с этим упомянуть. Это реабилитация сталинистского нарратива. Например, наступление Красной армии после двадцатилетнего перерыва называется «десять сталинских ударов». Политика депортации народов, которая затронула огромное количество людей, называется просто «реакционной политикой». Также поражает следующее: вся история войны уложена на 66 страницах. Там есть

репрессии, там есть героический тыл, там есть героический фронт, а в конце содержится глава, посвященная советской разведке и контрразведке в годы Великой отечественной войны. Очень важная тема! Ей уделено три страницы! Холокост — это один абзац, репрессии — это одно предложение, советская разведка — три страницы.

По правде, я несколько теряюсь, пытаюсь осознать изменчивость этого нарратива и странность этой изменчивости. Эта растерянность, наверное, отразилась и в выставке.

Роберт Латыпов

Я тоже занимался преподаванием истории в школе, но в этом проекте выступал, главным образом, как практик, гражданский активист. Для меня, в общем-то, все сотрудничество с моими замечательными европейскими коллегами направлено на то, чтобы работа с исторической памятью охватывала не узкий круг специалистов (академических ученых и преподавателей высшей школы), но и достаточно широкий круг моих сограждан. И поэтому, когда мы подходили к созданию этой выставки, то лично я для себя имел в виду следующий образ ее основного зрителя. Это, скорее всего, школьный учитель, который сегодня в России задавлен административными обязательствами, связанными с тем, что у него есть многочисленная отчетность и жесткие правила, но который при этом не потерял некоего любопытства, не потерял желания преподавать не только так, как ему об этом вещают, заставляют правила и нормативные акты Министерства образования и подобные школьные учебники. И он хотел бы разобраться в некоторых спорных моментах отечественной и общеевропейской истории. Видя этого человека, я примерно понимал, на каких моментах обязательно нужно остановиться в этой выставке.

Теперь о том, что мне кажется полезным в ней и что у нас точно получилось. Не хотелось бы, чтобы у кого-то создалось впечатление, что мы, создавая эту выставку, изначально хотели создать какую-то конфронтацию между национальными памятниками. Мы представили те нарративы, которые присутствуют в школьных учебниках шести стран. И понятно, что первое, что приходит на ум, это сравнить их и сказать, где правда, а где неправда, где правильная подача исторических событий, а где нет. На самом деле этого противопоставления в выставке нет. Да, мы попытались показать разные нарративы, но при этом хотели каким-то образом привести зрителя этой выставки к тому, что есть у нас общего. А общего ведь, кстати, тоже очень много.

Выскажу вроде бы банальную вещь, но все учебники и все отраженные в них национальные памяти объединяет очень простая мысль: мы победили «коричневую чуму» XX века, тогда, во время Второй мировой войны. Это далось очень большой ценой. Война была тяжелейшей катастрофой, и это признают все нации. И на самом деле это признание — некая основа, площадка для того, чтобы и наши учителя, и наши школьники, и молодые люди, и академическая часть сообщества могли прийти к пониманию, которое периодически уходит

от нас из-за политических событий и современных конфликтов. К пониманию того, что диалог об истории войны и всего, что связано с ее последствиями, неизбежен, необходим и возможен — это очень важно. У нас есть многие точки соприкосновения, которые мы признаем как ценности, как факты, и это хорошее поле для конструктивной дискуссии.

Я вижу серьезные проблемы с тем, как показывать эту выставку в российских регионах. Очевидно, что политическая ситуация в стране меняется в худшую сторону. Я не строю иллюзий по поводу того, что нам, ее авторам, запросто будут давать экспозиционные площадки и саму возможность собирать учителей, академическую общественность и молодежь для демонстрации этой выставки и проведения самого разного рода просветительских мероприятий, на что мы с коллегами рассчитывали еще совсем недавно. Я понимаю, что эту выставку, даже при всей ее аполитичности, скромной и нескандальной попытке поговорить, узнать что-то новое о Второй мировой войне и каким-то образом соотнести свои знания со знаниями, которые присутствуют в национальных памятниках других народов — при всем при этом ее ожидают категорические отказы. Скорее всего, будут провокации, скорее всего, будут и негативные публикации. Но мы, наверное, уже повидали все подобное, мы уже как-то к этому морально готовы. Нам кажется, что эта вроде бы незлая выставка может, тем не менее, стать хорошей провокацией — в хорошем смысле этого слова — для того, чтобы возбудить какие-то дискуссии, которые сегодня искусственным образом дискриминируются в российском публичном пространстве.

Мне кажется, что своей выставкой мы сделали некий вклад: чтобы эти дискуссии о нашем прошлом, а самое главное — о сегодняшнем и настоящем, о том, что мы помним, как мы помним, почему мы помним именно это, почему мы это обсуждаем, а почему какие-то вещи мы «забываем», — чтобы эти дискуссии продолжались.

Тереза Ваврова

Погружение в чешские учебники стало для нас настоящим приключением. Сначала мы столкнулись с аргументом, в том числе и со стороны чешских учителей, которые говорили, что историю по учебникам уже давно не учат, и зачем же тогда их вообще исследовать. Выяснилось, что хоть на практике по ним и не учат, однако общие картины и нарративы в них все же присутствуют. Недавно я наблюдала, как двое моих племянников четырех и семи лет, гоняясь друг за другом по саду, начали выкрикивать «Чурда ты!», то есть имя одного из парашютистов, который предал товарищей. Я задумалась, как это возможно, что семи- и четырехлетние дети уже находятся под влиянием нарратива, с которым, по сути, еще не могли столкнуться. Несмотря на то, что практика в настоящее время отходит от использования школьных учебников, содержащиеся в них нарративы по-прежнему живут в нас. Поэтому мне кажется очень интересным и волнительным исследовать то, что собой представляет нарратив чешских учебников и какую историю он повествует.

Мы изучили учебники для средних школ, изданные после 2007 года. Чешский нарратив о Второй мировой войне основан главным образом на объяснении того, как мы оказались под влиянием Советского Союза. Таким образом, война очень часто используется как объяснение. Подобно тому, как, по словам Алиции Глузы, существует мнение, что в Польше война заканчивается в 1989 году, в Чехии она воспринимается как причина того, что Чешская Республика на 40 лет стала частью коммунистического блока. Для Чешской Республики Вторая мировая война — это не обязательно история победы, это событие, которое на следующих 40 лет забросило нас на восток.

Для чехов Вторая мировая война начинается намного раньше, чем для остальных народов. Все учебники датируют ее начало — пожалуй, вполне естественно — мюнхенскими событиями сентября 1938 года. Мюнхен является и ключом к чешскому нарративу о Второй мировой войне, так как именно там наша судьба решается без нашего участия, там принимается решение о возникновении Протектората и, возможно, о том, что чешское общество до определенной степени избавляется от ответственности за происходящее вокруг. Мы избавляемся от ответственности и передаем власть кому-то другому. Мы избавляемся и от своего отношения к холокосту, так как в чешских учебниках весьма детально описана система, механизм, движение массы людей на восток, происходящее в рамках холокоста, но все это касается главным образом части Европы, лежащей на восток от нас, это не наша история. Очень подробно описывается жизнь в Протекторате, который, к моему удивлению, представлен как своеобразный рассадник чешского сопротивления — в том смысле, что чехи шутят, чехи саботируют некоторые мероприятия, однако Протекторат в войне до определенной степени не участвует. Может быть, именно поэтому чешский нарратив весьма и весьма осторожен.

Немецкие и польские учебники отличаются тем, что очень открыто говорят о мрачных страницах прошлого и конкретных национальных травмах. В немецком случае это естественно, но и польские коллеги упоминают такие события, как, например, погром в Едвабне. Чешские учебники, напротив, пока не позволяют себе такого критического сведения счетов с прошлым. От немецкого учебника мы все, наверное, вполне естественно ожидаем обнажения вины и, по сравнению со всеми другими, очень рефлексивного нарратива. Он постоянно заставляет учеников задумываться над тем, как такое могло произойти, и осознавать, что мы никогда больше не должны этого допустить. Немецкие учебники намного чаще всех остальных работают с повторением вопросов, ведут учеников к дискуссии и постоянно ставят их перед необходимостью занять точку зрения относительно произошедшего. Они делают акцент на том, чтобы привить ученику мысль, что его задача — предотвратить повторение подобных событий в будущем. Задача немецкого учебника — сформировать ученика, которому он передает информацию, а также выработать у него определенное мнение, определенную ценность, что представляет собой большой шаг вперед по сравнению со всеми остальными центральноевропейскими учебниками, которые мы использовали при подготовке выставки «Разные войны».

Камил Чинатл

Я хотел бы спросить, какое средство обучения вы считаете самым эффективным. Главным образом комментарии коллег из России указывают на то, что в настоящее время происходит что-то весьма проблематичное, чему историки, дидактики и учителя должны были противостоять. Можем ли мы предотвратить возвращение одного серьезного нарратива с помощью учебников или каким-либо другим способом?

Алиция Ванцеж-Глуза

Важнее всего то, что учебники не являются единственным способом работы с учениками. Например, в Польше темам современной истории в школьной программе отведено весьма незначительное место, к тому же, правду сказать, учителя при своей работе не слишком придерживаются учебников. Они не могут пользоваться учебниками именно потому, что на изложение новейшей истории у них мало времени. Учебники насыщены подробностями и фактами. А задача учителей — объяснять исторические процессы, а не только излагать факты. Дети не любят читать, и если им нужно найти факты, они используют Интернет или Википедию. Я придерживаюсь мнения, что в наше время учебники не оказывают на людей большого воздействия. Я думаю, что сильно воздействовать может, например, дискуссия.

В Польше проблематика участия некоторых польских граждан в холокосте была включена в учебники только после того, как на эту тему прошли дебаты в печати и особенно по телевидению. По моему мнению, учебники важны для учащихся, которые не интересуются историей, не читают исторических книг и не смотрят исторических фильмов, а их образование завершается с окончанием школы. Учебники важны только для них. Что они могут знать о недавней истории? Для остальных людей учебники не так уж и важны. По моему, в том, что учебники иногда показывают только одну точку зрения, опасности нет.

Тереза Ваврова

Исследование учебников истории мне кажется очень важным именно для осознания того, насколько иное видение событий Второй мировой войны может иметь человек, живущий, скажем, в Варшаве, то есть практически рядом с нами. В некоторых областях это видение бывает даже прямо противоположным. Возвращаясь к учебникам, стоит сказать, что, несмотря на их ограниченное использование, они являются инструментом, созданным именно для учителей и предназначенным для работы с процессом обучения. И если учителя откажутся от использования учебников, это, несомненно, будет свободным выбором каждого из них, однако следует осознавать, что полный отказ от учебников ставит к подготовке учителя и его урокам чрезвычайно высокие требования. Может быть, стоит начать задумываться над тем, как создать такой учебник, который действительно послужит учителям и процессу обучения.

Если дети не хотят читать, давайте составим учебник, в котором будет меньше текста. Мы говорили о том, что полезно работать с различными перспективами, и может быть, учебник может послужить базой источников, которая предложит несколько перспектив. Например, он может представлять рассказы нескольких свидетелей и отказаться от системы написания кратких синтетических текстов, вмещающих все существенные факты. Вместо этого его можно дополнить историями или ссылками на веб-сайты. Учебник как средство обучения не мертв, но как инструмент обучения он может быть осмыслен немного иначе.

Роберт Латыпов

В России война и победа во Второй мировой войне являются системообразующими. На этом строится национальная идентичность россиян, на это тратится очень много усилий нашего государства и не только его. При разговоре о Великой Отечественной войне — как у нас принято ее называть — и о Второй мировой войне главными являются несколько очень серьезных пропагандистских клише. И, к сожалению, чаще всего наши преподаватели, особенно в школах, являются как раз скорее заложниками пропаганды, нежели носителями и трансляторами исторических знаний. По крайней мере, у меня складывается такое ощущение, когда мы с ними проводим разного рода встречи и семинары.

Поэтому я, может быть, даже чуть-чуть оппонирую моим коллегам. Может быть, потому, что я живу в другой стране и вижу другие реалии, читая школьный учебник на фоне этой пропагандистской машины. Пропаганда усилилась, особенно в последний год, когда у нас в России праздновался юбилей 70-летия победы. И чтение даже такого учебника, который использовался до сегодняшнего дня, оказывается для молодого человека отрезвляющим. Он дает более критическое отношение к истории войны, чем то, что нам дается по телевизору. Поэтому, как это ни странно, я бы предложил, чтобы учителя не забывали о том, что у них есть такой инструмент, как школьный учебник.

Что мы всегда предлагаем для того, чтобы формировать некое критическое отношение к событиям прошлого, так это, прежде всего, работа с архивными документами и источниками. Их очень много опубликовано за последние годы. И возможность анализа разного рода исторических документов — это, на мой взгляд, тот самый путь, который может хоть как-то помочь не быть заложником тех самых пропагандистских клише, которых у нас в стране очень много.

Никита Ломакин

С архивными документами у меня случилась недавно удивительная история. Мы смотрели, как описываются действия Красной армии, вторгшейся в 1939 году в Польшу. Среди прочего, я просматривал архивы исторических изображений наших главных информационных агентств — РИА Новости и ТАСС. И их архив целиком состоит из этой клишированной истории: как

все радуются приходу Красной армии, как все счастливы и с довольным видом вешают красные флаги в Польше, в Западной Украине! Это не противоречит тезису Роберта Латыпова, но нельзя забывать, кто и с какой целью формирует архивы.

Каким образом в конкретных национальных учебниках рефлегируется возникновение антифашистской коалиции — в частности, с точки зрения разногласий между Иосифом Сталиным и Уинстоном Черчиллем, а также причины начала холодной войны? Как учебники представляют тот факт, что открытие второго фронта неоднократно откладывалось?

Алиция Ванцеж-Глуза

В польских книгах эта тема широко раскрыта, но на выставке мы сосредоточили внимание на том, как каждая из стран воспринимает конкретные события Второй мировой войны. Польша воевала на двух фронтах против двух врагов. Врагов, которые перед началом войны заключили пакт. Позже, в ходе войны, фронты в Европе изменились, так же как изменились альянсы. Война закончилась заключением новых пактов и новых договоров, и для Польши эти договора означали новое поражение. В польском нарративе Польша всегда была проигравшей. Она никогда не была страной, которая могла бы побеждать.

Тереза Ваврова

В чешских учебниках Уинстон Черчилль однозначно представлен как герой Второй мировой войны. Из западных и восточных союзников именно его цитируют, фотографируют и довольно некритически превозносят как нашего спасителя и победоносца. Пакт западных союзников со Сталиным как минимум в чешских учебниках объясняется тем, что он был нужен американцам для поддержки в войне против Японии, и вместе с тем с горечью констатируется, что западный демократический блок вынужден был объединиться с человеком, который был диктатором. Тем же, кто не понял ситуации и не распознал намерений Сталина, чешские учебники называют Франклина Делано Рузвельта и Соединенные Штаты Америки.

Никита Ломакин

У нас история начинается также с начала войны, потому что именно подозрительное отношение к СССР со стороны западных союзников вынудило Сталина, как пишут во всех учебниках, подписать пакт о ненападении. Факт сокрытия секретных протоколов и причины такого решения в учебниках не обсуждаются. Сообщается о пакте о ненападении и в целом о разделе Европы, но без подробностей. Таким образом ответственность за действия страны в 1939–1941 годах перекладывается на западных лидеров.

Что касается дальнейших действий, это тоже интересно. Раньше вся история взаимоотношений с западными странами и степень помощи союзников советской экономике описывалась в разных учебниках в зависимости от

позиции (прозападной или антизападной). Поясню. Все авторы сожалеют, что никак не открывался второй фронт, этого очень не хватало советской армии. Однако дальше начинаются отличия: в одних учебниках подчеркивается, что и помощь была незначительная, и, вообще, советский солдат вынес всю войну на себе. Для доказательства есть своя подборка статистики. Другие учебники, наоборот, указывают на то, что помощь была огромная, а американские студбекеры, например, составляли до 70 % автомобилей Красной армии.

Отношение к союзникам — это один из интересных вопросов, который позволяет разным авторам использовать разные данные для подтверждения тезиса (в общем-то, политического). На выставке представлены и другие подобные случаи. В частности, в разных учебниках количество убитых красноармейцев оценивается от 8 до 12 миллионов. Выбор той или иной цифры позволяет сделать вывод о соотношении убитых солдат вермахта и Красной армии и, соответственно, о том, жалело ли людей руководство армии.

Таким образом, называя разные цифры, авторы выдвигают ту или иную точку зрения, то или иное отношение к союзникам в прошлом, которые, естественно, неизбежно проецируются на современную ситуацию.

Как сегодня в Польше оценивается Варшавское восстание и отношение к нему советского государства?

Алиция Ванцеж-Глуза

В учебниках эта тема, конечно же, детально разбирается, ведутся дискуссии о ее интерпретации, та как в сегодняшней Польше она не совсем однозначна. Постоянно появляются самые разные комментарии и взгляды на Варшавское восстание, как в общем дискурсе, так и в учебниках. Возникают также и новые проблемы, связанные с этими событиями, потому что в настоящее время публично высказываются мнения некоторых людей, что восстание как таковое было большой ошибкой. На их взгляд, подпольное государство вообще не должно было организовать восстания. Это довольно новый взгляд, и люди, в том числе журналисты, открыто говорят о нем. Раньше такие высказывания всегда дополнялись позитивными комментариями, указывающими на тот факт, что Варшавское восстание было доказательством героизма жителей Варшавы, с чем нельзя поспорить. Почти не звучали слова об огромной цене этого героизма, за которое 150 000 польских граждан заплатило жизнью, а также о том, что немцы отомстили за восстание уничтожением целого города и изгнанием его жителей. Разумеется, невозможно было включить в выставку весь этот дискурс, однако я благодарна за то, что мои коллеги из других стран посчитали важным, чтобы тема Варшавского восстания была на выставке представлена.

Ведущий:

Йозеф Паздерка,
Чешское телевидение

Выступающие:

Павел Каныгин, «Новая газета»

С 2004 года Павел Каныгин работает специальным корреспондентом российской «Новой газеты». Как репортер ездит преимущественно в зоны военных конфликтов и природных катастроф. Для «Новой газеты» он писал, к примеру, о российско-грузинской войне 2008 года, а также об аварии на японской электростанции Фукусима. С самого начала следит за конфликтом на востоке Украины, где был дважды арестован боевиками Донецкой Народной Республики.

Ирина Лагунина, Радио Свобода

Ирина Лагунина — руководитель русской службы «Радио Свобода». Работает здесь с 1995 года, в качестве старшего корреспондента вела ежедневную аналитическую передачу Time & World, посвященную актуальным событиям мировой политики и экономики. До своего прихода на «Радио Свобода» работала в российских журналах New Times и Moscow News, освещала вывод советских войск из Афганистана и военные события в бывшей Югославии.

Руслан Дейниченко, StopFake

Руслан Дейниченко — исполнительный директор Школы журналистики Киево-Могилянской академии и редактор украинской службы радио «Голос Америки». Вместе с тем он является одним из основателей украинского объединения StopFake, которое ставит перед собой цель находить и проверять кажущуюся недостоверной информацию, публикуемую главным образом российскими новостными серверами. Результаты работы объединения StopFake можно найти на его интернет-сайте www.stopfake.org.

Руслан Дейниченко

Начиная свой короткий рассказ о проекте StopFake, я бы хотел, оттолкнуться от слов, которые говорили выступающие передо мной — в частности, профессор Андрей Зубов вчера вспоминал о проблемах с архивами, когда целые секции документов, которые свидетельствуют об убийствах, о сталинских репрессиях, именно те секции, где содержатся имена палачей и тех людей, которые доносили в спецслужбы, до сих пор недоступны. Никита Ломакин тоже сегодня вспоминал о фотоархиве государственного архива РИА Новости, где фотографии 1939 года, связанные с присоединением, аннексией Западной Украины и Западной Белоруссии к Советскому Союзу, они тоже носят манипуляционный характер, где изображаются счастливые люди, приветствующие советские войска, которые шли на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии.

Я признаюсь честно, в этом году у меня был огромный шок, когда я увидел архивные материалы, свидетельствующие о том, что никаких героев-панфиловцев на самом деле не было.¹⁸ То есть то, что я учил в школе, а мы учили подвиги этих героев-панфиловцев, стихи о них, а оказалось, что все это было придумано. Советское руководство знало о том, что это было придумано, достаточно давно. То есть, для многих людей, для которых эти материалы были доступны, это не было никаким секретом. Но все эти вещи продолжали иметь место в советских учебниках истории.

Господин Роберт Латыпов здесь говорил о том, что могут быть разные интерпретации исторических событий. Мне бы очень не хотелось, чтобы историки, описывая сегодняшние события, в частности события в Украине, связанные с аннексией Крыма и вооруженным конфликтом на востоке Украины, в Донбассе, занимались интерпретацией лжи и фальшивок, а основания для этого есть.

Наш проект возник в марте 2014 года на фоне событий в Крыму, когда группа выпускников, преподавателей и даже студентов Могилянкой школы журналистики в Киеве обратила внимание на огромный поток лживой информации и пропаганды, которая лилась с экранов телевизоров, в частности с российских телеканалов, которые на то время были абсолютно доступны и имели очень хорошие рейтинги. Вы уже, очевидно, узнали девушку, которая была героиней одного из сюжетов на Первом канале российского телевидения, федеральном канале, который принадлежит государству. Мне кажется, что если бы эта история не была разоблачена, то в будущих учебниках истории России, которые бы писали о событиях на Донбассе, эта девушка могла бы стать героиней, такой «панфиловкой». Это факт, который действительно оказался фальшивкой, и кстати, российские журналисты помогли выявить, что это фальшивка, которая не имела никакого отношения к правде: не

¹⁸ Зимой 1941 года дивизия 28 красноармейцев под руководством генерала Панфилова уничтожила 18 немецких танков на подходе к Москве. В Советском Союзе так называемые панфиловцы превозносились как герои. Однако в 2015 году российский государственный архив рассекретил информацию, указывающую на то, что миф о панфиловцах был не совсем правдивым.

было никакого мальчика, не было никаких фашистов, которые распинали маленького мальчика в центре Славянска, но эта история могла бы стать частью учебника.

Наша небольшая группа занимается тем, что просто проверяет информацию, которую мы видим в средствах массовой информации — в первую очередь российских — на предмет того, правдива она или неправдива. И почти за два года нашего существования я могу сказать, что счет выявленных фейков уже идет на тысячи. То есть это не какие-то единичные случаи, которые можно было связать или с некомпетентностью журналиста, или с невозможностью проверить информацию; как нам кажется, это целенаправленная политика, за которой стоит российское государство.

Чем занимается наша организация? Мы проводим мониторинг российских телеканалов, российских газет и просто пытаемся выполнить нормальную работу журналиста — проверить, правда это или нет, какой там факт. Я бы сказал, что в начале нашей деятельности в марте 2014 года опровергать российскую ложь в средствах массовой информации было достаточно просто. Вот один из примеров. Первый российский телеканал рассказал о том, что деревья на площади Независимости, где состоялись эти события, где около ста людей было убито из огнестрельного оружия, якобы срезали украинские власти, которые называли хунтой, фашистами — для того, чтобы скрыть следы преступлений, направление пули, откуда стреляли снайперы. Первый телеканал рассказал об этом историю, и эта история до сих пор есть на сайте телеканала, ее можно посмотреть. Не составляло никакого труда пойти на это место — это, кстати, кадры из сюжета, где рассказывали, что именно эти деревья были срезаны — для того, чтобы сделать свежую фотографию и показать, что все деревья на месте, ни одно дерево не было срезано. Кадры, которые показал Первый канал, сняты совсем в другом месте, они были сделаны за несколько сот метров и никакого отношения к этим событиям не имеют. Проверить эту информацию было очень просто и опровергнуть эту ложь было достаточно просто.

Еще один пример. Это первый фейк, который опровергнул лично я. Для меня это была очень важная информация. В начале марта 2014 года российские СМИ начали распространять сообщения о том, что из Украины в Россию якобы устремился поток беженцев. Причем счет идет на тысячи. Только в Белгородскую область, по словам белгородского губернатора, уже прибыли тысячи беженцев. Мне было достаточно просто найти номер телефона Федеральной миграционной службы Белгородской области и позвонить туда. Они были удивлены и сказали, что на самом деле никакого увеличения количества беженцев нет и что они не понимают, откуда взялась эта информация, что за неделю им позвонило всего пять человек, а это стандартное количество людей. Проверить эту информацию было несложно. Здесь важна одна деталь: когда я общался с представителем Федеральной миграционной службы в Белгородской области — кстати, с украинской фамилией, ее звали Людмила Скрыпник — она сначала сказала мне вещь, на которую я не обратил

внимание, потому что это был март 2014 года и никакого конфликта на востоке Украины еще не было. До захвата российскими наемниками города Славянска оставалось полтора месяца, до первых вооруженных стычек в Донецке оставалось еще два месяца, то есть эта ложь была настолько абсурдной, что я не обратил на нее внимания. Я подумал, что кто-то распространяет информацию и что это просто какая-то очередная глупость. Она сказала мне, что они получили задание из Москвы готовить тысячи мест для беженцев из Украины. То есть никаких беженцев нет и они еще не намечаются, но Федеральная миграционная служба Белгородской области уже готовит для них места.

Я, кстати, вспомнил об этом случае, когда перечитывал книгу «Ледокол» Виктора Суворова¹⁹, он тоже собирал такие факты из российских архивов, которые бы свидетельствовали о том, что Сталин готовился к своей войне. Мне кажется, что нынешним исследователям, нынешним историкам будет гораздо проще получить доступ к такого рода документам: когда начали готовить места для беженцев, какие тендеры проводили, когда российские власти начали покупать посуду и постельные принадлежности для беженцев, которые появились, но только через два месяца. Очевидно, что планы российского руководства по организации так называемой гражданской войны в Украине все-таки были, и эти планы готовились, подготовительная работа велась.

Среди фейков мы также приводим ложные или вводящие в заблуждение заголовки — например, такие, как «Президент Хорватии приняла решение о поездке в Москву на 9 мая». Статью с этим заголовком опубликовал федеральный телеканал «Звезда», который принадлежит Министерству обороны России. Заголовок явно свидетельствует о том, что президент Хорватии поедет в Москву, но если мы прочитаем текст, то окажется, что она на самом деле отказалась. Почему это делается? Потому что многие молодые люди в Интернете не читают новости — они читают заголовки. Особенно если эти заголовки подхватываются, например, в Твиттере или в новостных агрегаторах. Они читают заголовки, и у них создается совершенно иная картина происходящих событий.

Также появляются фейковые эксперты. Этот молодой человек очень активно использовался каналами Russia Today — «Россия сегодня», РИА Новости, его представляли как известного политолога. Он очень активно комментировал все «злодеяния» киевской «хунты», казался очень большим специалистом, но оказался всего лишь продавцом автостраховок в Нью-Йорке. Единственная его заслуга в том, что он как сын эмигранта из России хорошо знает русский язык и ориентируется в событиях, и, естественно, мог комментировать в выгодном для телеканала свете. Использование таких экспертов — не единичный случай, а абсолютно массовое явление. Фейковых героев неоднократно

¹⁹ Виктор Суворов (род. в 1947 г.) — российский писатель, работающий главным образом в области исторического ревизионизма. В своей книге «Ледокол» (в чешском переводе *Všech-
no bylo jinak*) утверждает, что Советский Союз планировал напасть на Германию еще до начала немецкой операции «Барбаросса» в 1941 году. Согласно роману, целью было развязывание войны и последующее расширение советской зоны влияния на Центральную Европу.

ловили на том, что один и тот же человек появлялся в разных сюжетах в разных ролях. Эта героиня сначала представлялась как мама «беркутовцев» на Майдане, затем она представлялась как одесситка, которая пострадала от «хунты» во время столкновений в начале мая 2014 года. Придумываются несуществующие документы, несуществующий антисемитизм, какие-то заявления вымышленных организаций.

У нас скопилось так много разного материала, который доступен на сайте stopfake.org, что появилась целая секция, где приведены инструменты, с помощью которых каждый простой человек может проверить ту или иную информацию, которая транслируется или как видео, или в каких-то других формах (фотографии, тексты), где мы советуем, на что обращать внимание, какие есть маркеры, при каких словах у вас как у зрителя или читателя должны зазвенеть звоночки и вы должны подумать, что, возможно, информация неправдивая. Было очень много случаев, когда нам удавалось установить, что обстрелы — в частности, центра Донецка и других городов — на самом деле проводились самими пророссийскими силами, сепаратистами. Мы пользовались открытыми источниками, скажем видеозаписью, которую размещали российские телеканалы. Вот один из случаев — обстрел в центре Донецка: одна из ракет не разорвалась, но по направлению ее падения очень легко определить место, откуда велся обстрел. И совершенно очевидно, что он велся не со стороны, где находились вооруженные силы Украины.

Просто целый массив лжи вызвала катастрофа малайзийского «боинга». Я даже не буду все упоминать, поскольку были десятки версий и каждая версия сопровождалась потоком лжи. Одним из примеров, над которым мне пришлось работать, был автомобиль, перевозивший ракету «Бук». На самом деле он двигался не по маршруту, о котором говорило российское Министерство обороны, а от Луганска в сторону границы Российской Федерации. Благодаря видеороликам, которые появились в Интернете, мы смогли установить точное место, где был сфотографирован этот «Бук» без ракет, и он действительно двигался в сторону границы с Российской Федерацией.

Приведу один из недавних примеров того, что российская пропаганда меняется, становится более профессиональной и колеблется соответственно линии партии. Возможно, вы уже слышали про «Правый сектор», организацию украинских националистов. Эта организация запрещена в Российской Федерации и иначе как фашистской и экстремистской ее не называют. Но в последние дни, когда «Правый сектор» стал проводить митинги против украинского президента Петра Порошенко, такие эпитеты пропали из лексикона. Даже ТАСС, государственное агентство, теперь их называет активистами. «Правый сектор» теперь активисты, и мы даже шутим, что не исключено, что лидер «Правого сектора» Дмитрий Ярош когда-нибудь будет награжден орденом Героя России. Кто бы мог подумать, что Рамзан Кадыров будет Героем России! Но почему нет, почему Дмитрий Ярош тоже не может стать Героем России?!

Я хотел бы кратко добавить кое-какие выводы. Во первых, мы не думаем, что речь идет о случайных фейках, случайных недоработках журналистов. За

этим стоит государственная политика, которая руководит этим процессом. По крайней мере, факты, которые мы собрали, нас в этом убеждают. Во вторых, где-то полтора года назад у нас в стране была дискуссия, запрещать или не запрещать российские каналы, российское телевидение. Я бы сказал, что общество раскололось где-то посередине, то есть одни говорили: «Ну как? Это же дополнительный источник информации. Это недемократично, если мы запретим российские телеканалы». Но я считаю большим успехом нашего проекта то, что мы смогли людям показать, что честные масс-медиа не могут конкурировать с пропагандой. Для того, чтобы придумать историю о распятом мальчишке, нужно 30 секунд. Вы ограничены только фантазией пропагандиста, фантазией журналиста. С другой стороны, чтобы проверить эту историю, нужны огромные ресурсы, огромное время. Честная журналистика не может конкурировать с пропагандой, у нее не будет не только равных финансовых условий, но и условий работы журналистов. Поэтому я считаю, что решение закрыть российские телеканалы, перекрыть им возможность транслироваться в Украине было абсолютно правильным решением. Я считаю, что это было одно из решений, которое спасло Украину, потому что волна сепаратизма, поддерживаемая Россией, могла продвинуться намного дальше, конфликт был бы намного кровавей и жертв было бы намного больше.

По последним наблюдениям, сейчас российская пропаганда переключилась на Турцию. Мы видим абсолютно те же приемы, абсолютно те же пути, по которым идет российская пропаганда. Мы увидели, что российская пропаганда стала более профессиональной и может достаточно быстро переключаться со страны на страну, с темы на тему. Она стала очень гибкой. Не исключено, что эта пропаганда может в считанные дни переключиться на страны Балтии, на Чехию. От этого никто не застрахован, и о том, как этому противостоять, нужно думать сейчас, чтобы потом это не стало неприятным сюрпризом. И, как я сказал в случае с беженцами, наблюдая за российской пропагандой, мы можем предугадать, какие реальные интенции, какие реальные действия можно ожидать от России. Если нас начинают убеждать в том, что будут беженцы, давайте задумаемся, не готовит ли кто-то какой-то военный конфликт, из-за которого эти беженцы действительно появятся.

Ирина Лагунина

Я хотела сказать о трех плоскостях российской пропаганды, но сначала задать вопрос. Кто из вас в последнее время слышал о том, что после того, как выяснилось, что российский самолет в Египте был жертвой террористической атаки, российский президент Путин заявил, что дело Бога помиловать террористов, а мое дело предоставить их Богу? На самом деле оригинал был на английском и звучал он: «It's up to God to pardon terrorists, but it's my duty to bring them to him». Если вы слышали, очень хорошо. Потому что на самом деле эта фраза разошлась тысячными тиражами и разлетелась по разным социальным сетям. И понятно, что фраза эта была особенно дорога американскому уху, потому что это выражение существует именно в Америке и приписывается

оно «крестному отцу» мафии Аль Капоне. На самом деле эта фраза ничего общего с господином Путиным не имеет. Эту фразу поместил в Твиттер корреспондент Russia Today. Потом эта фраза была стерта, этот корреспондент объяснялся, что где-то это прочитал в Фейсбуке и решил перетвитить. Это хороший пример того, как российская пропаганда формирует образ российского лидера за рубежом. И этот образ за рубежом — это первая плоскость российской пропаганды, которую вы видите в Чехии или которую мы видим по всему миру или получаем от канала Russia Today.

Вторая плоскость касается, во-первых, непосредственно Украины и конфликта, в котором российская пропаганда, мне кажется, пытается сделать все для того, чтобы обезчеловечить украинское общество, украинский народ, украинскую самобытность. Именно поэтому с начала конфликта в обход прессы было запущено огромное количество слов, которые заменяли слово «украинский» — «укропы», «фашисты», «хунта», «бандеровцы» — весь этот арсенал. Все это, когда вы возвращаетесь в российском обществе, живете в российском информационном фоне, заслоняет человеческий образ народа соседней страны и таким образом разжигает истерию войны, служит оправданию войны. Это вторая плоскость российской пропаганды, плоскость близких соседей и мест, которые Кремль считает сферой своих интересов. Сейчас это переходит в Сирию, и мы видим, как те же самые инструменты, которые были использованы в случае с Украиной, сейчас используются в Сирии, потому что там присутствует непосредственный, живой, животрепещущий интерес, как его видит Кремль.

И третья плоскость — это сама Россия, и там говорить о пропаганде даже сложно, потому что это не пропаганда, это создание виртуальной реальности, это создание совершенно другого мира, который не отвечает никаким критериям информационной журналистики. Он никакой проверки на реальность не выдерживает. Это создание мира, как его видит Кремль, мира, который он пытается принести в прессу и в общество. Создание этой параллельной реальности тоже происходит в двух плоскостях, и обе они интересные и различные. Первая плоскость — это то, о чем мы здесь уже сегодня говорили — это пресса и в основном, конечно, телевидение. Не зря первое, что сделал Владимир Путин, когда пришел к власти — он обеспечил контроль государства над электронными средствами информации, над телевидением. Недавно было уничтожено, можно сказать, последнее независимое телевидение в России — томская ТВ2, единственный яркий региональный журналистский коллектив на просторах Российской Федерации.

Телевидение — это первая плоскость. Вторая плоскость — это социальные сети. И приемы здесь разные. Если социальные сети играют на чувствах, на эмоциях, очень часто на самых низких проявлениях человеческой души, как, например, распятый мальчик, как кучи мусора от каких-то беженцев — это очень гадко, это очень некрасиво, но это затрагивает низкие чувства внутри человека. А телевидение потом теоретизирует эти чувства, оно представляет как бы логическое обоснование того, что происходит. Происходит это так.

Утром какой-то человек в Германии (на аватарке он с флагом Новороссии) выкладывает в Фейсбук фотографии — кучи мусора, якобы оставленные в спокойном и чистом Мюнхене беженцами, приехавшими из Сирии. Некрасивые кучи мусора, очень неприятно на них смотреть, и выглядит это так, будто все улицы завалены. А вечером Дмитрий Киселев будет говорить с экрана, что Европа теряет свои ценности. Вот так это происходит.

На чем основаны пропагандистские приемы и что, как мне кажется, надо иметь в виду, когда мы говорим о российской пропаганде или о виртуальной реальности, которые Россия пытается создать? Инструменты для всех трех сфер действия — и Запад, и жизненные интересы Кремля (ближайшее окружение России), и сама России — приблизительно одинаковы. Это всегда в первую очередь игра на ностальгии. Ностальгия о хорошем прошлом, о стабильности, об уверенности в собственном будущем, о незыблемости ситуации в стране и положения человека лично. Это началось не с Владимира Путина, это началось не с настоящего Кремля, это на самом деле началось в середине 90-х годов, когда в обществе возник запрос на ностальгию по стабильному прошлому.

Второе — это создание сообщества — community. На чем оно лучше всего строится? Конечно, на создании образа врага. Если удастся создать хорошего врага, то люди объединятся намного быстрее, чем бы они объединились без представления о том, что на них сейчас немедленно нападут.

И третье — это создание у человека ощущения, что из-за того, что он так долго во все это верил, и из-за того, что он так долго все это поддерживал, теперь отказываться и говорить себе, что я был не прав, очень неприятно. Очень неприятно признаваться себе, что я так долго верил в то, что оказалось фейком. Люди редко идут на то, чтобы признаваться себе, что они ошибались. И вот эта игра на том, что ошибки не было, что на личном, на индивидуальном уровне вы никогда не ошибались — это то третье, на чем строится, как мне кажется, современное путинское создание виртуальной реальности, которую мы, может быть, не до конца правильно называем пропагандой.

Пропагандировать можно что-то, и я пытаюсь понять, что же именно стоит в центре пропаганды. В советские времена пропагандировали идеологию. А что именно режим Путина пропагандирует сейчас? Идеологии нет, есть система авторитарной власти. Есть определенная агрессивность. С другой стороны, есть желание понравиться миру, есть желание быть признанным, быть любимым. Какой из этих целей служит пропаганда и как можно это пропагандировать, я не знаю. Но создать альтернативную реальность для того, чтобы все эти цели были удовлетворены, наверно, можно.

Павел Каныгин

Я понимаю, что мы здесь говорим больше про Россию, но я представляю издание, которое можно назвать уникальным. Немного таких изданий, которые имели и до сих пор имеют возможность смотреть на проблемы, на процессы, на истории вообще со стороны. Хотя мы являемся газетой московской,

российской, но и конфликт на юго-востоке Украины, и протесты в Киеве, на Майдане мы наблюдали отстраненно, мы имели такую возможность, мы могли себе это позволить. Я не могу сказать, и это, может быть, прозвучит странно, что нам было легко работать на украинской стороне. Я могу сказать, что при взгляде на то, какие вещи показывают по украинскому телевидению и в украинском секторе Интернета, у меня точно так же иногда встают волосы и мурашки бегут по коже, как, собственно, и тогда, когда я смотрю российское телевидение или читаю некоторые российские сайты.

Я знаю, что StopFake занимается в том числе и фейками в украинских СМИ, исследует и эту часть. Я говорю об этом для того, чтобы не создавалось какого-то ложного ощущения, что Россия создала такого информационного, пропагандистского монстра, машину смерти, убивающую ваш мозг и растворяющую его. Это пытается делать и Украина, потому что она сопротивляется, потому что у нее нет других возможностей. Украинские медиа не обладают такими ресурсами, в частности, финансовыми ресурсами, таким инструментарием, они не имеют выходы на площадки европейского или мирового вещания, как Russia Today, поэтому они, сопротивляясь, конечно же, пытаются взять свое за счет мощнейших эмоциональных импульсов.

Обесчеловечивание врага, к сожалению, происходит повсеместно и с обеих сторон. Мы только что видели распятого мальчика, эта фейковая история очень популярна и известна среди российских пользователей Интернета, которые понимают, что реально происходит. Это стало интернет-мемом, характеризующим состояние нашей пропаганды в Интернете. Но похожие примеры рождают и украинские фейковые блогеры, украинские фейковые СМИ: истории с отрезанными пальцами у служащих украинской армии, о том, как отрезают пальцы, головы, вспарывают животы, вытаскивают кишки и развешивают их на заборах, и что все это делают сепаратисты. То есть я лично, так же как и газета, в которой я работаю, наблюдаем эту практику — практику обесчеловечивания — и с одной, и с другой стороны.

Как уже говорила Ирина Лагунина, целью является доведение ситуации до такого эмоционально тупикового момента, когда уже договариваться и говорить о чем-то не имеет смысла. В какой-то момент люди в России начинают понимать, что с украинцами вообще не о чем договаривать. Или, например, украинцы смотрят свое телевидение и думают: с этой «русней» говорить не о чем, их просто надо всех растворить, уничтожить, выжженную землю оставить. Такое ощущение рождается, когда мы смотрим телевизор — и там, и здесь. Это очень печально, это очень страшно. И я могу сказать, что две наши нации, украинская и российская, удивительно схожи в своем телевизионном пристрастии, они очень телевизионные нации — и та, и другая. И те, и другие смотрят телевизор с утра до позднего вечера. Меня удивило, что в том числе и украинская молодежь очень телевизионная. У российской молодежи уже все-таки выработалась брезгливость, какой-то настороженный критицизм к тому, что показывает «ящик», потому что у нас телевидение превратилось в пропагандистскую машину очень-очень давно. А в Украине

это происходит не так давно, поэтому там у молодежи все-таки сохраняется привычка доверять тому, что показывают по телевизору.

Я придерживаюсь точки зрения, которую со мной разделяют многие коллеги, что люди, профессионально, за деньги занимающиеся разжиганием ненависти, — преступники и должны нести уголовную ответственность. Это может показаться не очень гуманным — сажать людей за вещи, которые непосредственно не угрожают ничему здоровью или жизни. Исходя из сегодняшних тенденций в гуманитарной сфере, это, наверное, не совсем правильно, но я считаю, что этот пробел надо как-то восполнить, потому что люди, разжигающие ненависть, засоряющие мозги, и вся эта помойка, которая льется на украинцев и на россиян, приводит людей в такое состояние духа, что заставляет их брать оружие и ехать на войну убивать друг друга. Это очень страшно.

Одно дело — сидеть здесь в Праге и говорить о том, как это все плохо, какая это пропаганда, а другое дело — когда я, например, еду в машине с водителем по так называемой Луганской Народной Республике, а на дороге голосуют ребята, двое ополченцев, как они себя называют. Это происходило практически на границе с Россией. Мы их подобрали. Разговариваем о том, что и как, почему они сюда приехали. «Я приехал из Тольятти», — говорит один, а второй: «Я из Ставрополя», то есть они приехали из России. Мы их спрашиваем: «А чего же вы приехали? Это же другая страна, здесь война идет», — «Мы посмотрели телевизор», — говорит один, — «увидели, как там наших русских... Это же вообще! Вообще охренели эти укропы! Да их давить надо! Их надо всех уничтожить! И я решил, что я поеду на пункт сбора в Ростовскую область, мы там с пацанами встретимся и поедем на войну». Это не уникальная история, это то, что я видел и слышал. Эта была одна из первых реальных ситуаций, давно, еще в самом начале конфликта, когда я встретил россиян, русских людей, которые приехали на войну на Донбасс. И они именно так объясняли движущую силу, которая заставила их встать в своем Ставрополе или Тольятти и поехать на войну. Ну и еще то, что в Тольятти сокращение на автозаводе происходит, жигули уже так активно не покупают.

Таких историй масса. Когда пьяный ополченец идет по Донецку и около магазина видит человека, выходящего с пакетами, с покупками и разговаривающего с кем-то по телефону, и каким-то образом этому ополченцу видится, кажется, что у человека на телефоне заставка с украинским желто-синим флагом. Ему так кажется, и он сшибает этого человека с ног, тот падает, разбивает себе голову в основании черепа и умирает. Это все тоже было на моих глазах. Просто за то, что ему показалось, что у этого человека украинский флаг. Он еще долго над ним стоял и сокрушался: «Вставай, сука, ты чего притворяешься?! Ты же укроп, ты же бандеровский шпион!»

Я очень эмоционально все это описываю, потому что мы должны понять, насколько ужасно действие этого телевизионного вранья. И с этим, конечно, надо что-то делать. У меня нет никакого ответа. У меня нет ответа на то, как Украине сопротивляться российской пропаганде. Украина, я повторяю, пытается сопротивляться, создавая свой аналог пропаганды, но им все-

таки тяжело это делать. Были мысли сделать какое-то телевидение в Европе, создать вещателя, который будет давать информацию, создавая противовес российским СМИ как Russia Today, «Россия 24». Я не знаю, насколько это хорошая идея.

У меня нет вообще никакого ответа, потому что этот конфликт, который зародился на пустом месте и развивался как абсолютно искусственный и подогреваемый извне, сейчас превратился в настоящую войну. И даже в момент, когда не идет война, как сейчас, когда перестали говорить пушки, мы тем не менее видим, насколько запредельная ненависть людей друг к другу. Вроде тихо и спокойно, но стоит только кому-то что-то сказать, что-то вспомнить, как тут же начинается — как угли, которые, со стороны вроде смотришь, такие черные, ничего не выдает в них того, что когда-то это был костер, но стоит только чуть-чуть дунуть — и поднимается настоящее пламя. Сейчас мы находимся примерно в такой ситуации.

Вопрос из публики

Общество и, в частности, молодежь в России — как она воспринимает пропаганду?

Павел Каныгин

Я еще раз могу подтвердить то, что сказал. Молодежь в России, к моей большой радости, уже не телевизионная. Это не то, на что может рассчитывать телевизор. Даже молодежные каналы уже ориентируются на возраст выше 29 лет, потому что молодые люди уже не смотрят телевизор. Об этом уже настолько странно сейчас говорить, так как для нас это данность, по крайней мере в больших городах — Москва, Петербург, Екатеринбург, Калининград. Это показывают опросы, это показывают исследования измерителей аудитории, и это, конечно, надежда. Это большая надежда. Но мы видим, как российские власти пытаются завладеть и распространить свой контроль в Интернете. Последние четыре года, после Болотной площади, после массовых митингов в Москве и Петербурге налаживание контроля в Интернете идет с дикой скоростью: создаются сайты, создаются площадки, всевозможные порталы, куда заманивают людей, молодежь. В социальных сетях появились примеры создания фейковых или полужейковых блогеров, которые тоже пытаются запудрить мозги. В общем, все это есть, но как все будет дальше, не знаю.

Руслан Дейниченко

Я бы хотел еще немножко добавить к этому ответу. Что касается Украины, я бы сказал, что в 2013 году, когда российские каналы были общедоступны и имели довольно хорошие рейтинги, ситуация в Украине была такой, что если бы Путин баллотировался в президенты Украины, он бы победил. Мы говорим не только о новостях. Сериалы, информационные программы — все это было нацелено на одно — представить Россию как идеальное государство, у которого есть могущественный лидер, никогда не делающий ошибок, и в котором

решены все проблемы: прекрасные дороги, запускаются космические корабли, очень высокие пенсии и люди живут счастливо. Это картинка, которая была сформирована у украинского телезрителя.

После того, как российское телевидение было отключено, ситуация, конечно же, кардинально изменилась. Но я вам скажу, что когда мне звонит моя мама из другого города, то по ее вопросам я могу определить, какие телеканалы она сейчас смотрит. То есть старшее поколение все равно остается в плену телевидения. И люди, избавившись от одного информационного влияния, конечно же, попадают под какое-то другое.

Ирина Лагунина

Молодежь в России хорошая. К сожалению, ее мало. Я недавно считала: в возрасте от 14 до 25 лет находится приблизительно 27 миллионов. Проблема в том, что сейчас Россия переживает очень сложный этап демографического провала. Этот провал приходится на двадцатилетних — в силу того, что в годы перестройки, в период распада Советского Союза мало рожали, не хотели иметь детей, было нестабильное время. С другой стороны, эта молодежь очень интересная. Она интересна тем, что это первое поколение россиян, если мы говорим о среднем классе, которым не надо бороться за кусок хлеба, которым не надо бежать куда-то сломя голову для того, чтобы работать на четырех работах. У этих молодых людей есть гражданская энергия и возможность найти ей применение.

Что мы видим сейчас? Мы видим, с одной стороны, большое количество новых гражданских организаций, которые состоят в основном из молодежи. Движение «Голос», которое проверяло выборы в последнее время, — очень молодое. Огромное количество волонтерских течений. С другой стороны, Кремль это прекрасно понимает, и создаются прокремлевские волонтерские движения, начиная с «Наших», с «Молодой гвардии». Это даже не обязательно общероссийские движения, это очень часто организации на местных уровнях. Энергия, которая есть у молодежи, используется государством, ее пытаются приручить: под эгидой «Единой России» цветочки где-то посадить, деревья высадить, пенсионерам помочь — благие дела, хорошие дела, но это все проводится под эгидой партии, под эгидой Кремля. И таким образом эта молодежь уводится от искренней, реальной социальной и политической активности.

Этот процесс, как мне кажется, вполне устраивает молодежь до тех пор, пока в чуть более зрелом возрасте — в тридцать, они не сталкиваются с первыми признаками коррупции, которая в обществе настолько подавляющая, что не дает людям самореализоваться. Поэтому к тридцати годам люди меняются и становятся более критичными.

Вопрос из публики

Более 80 % российского населения поддерживает Путина и его линию. Сможет ли эта более независимая молодежь, о которой вы говорили, эффективно противостоять большинству?

Ирина Лагунина

Знаете, авторитарные режимы тем и опасны, что они непредсказуемы. Они непредсказуемы в том, что они будут делать, они непредсказуемы в том, как они развалятся. Я надеюсь на эту молодежь. По социальным сетям «Радио Свобода» я знаю, что они сейчас к нам приходят, они составляют у нас приблизительно 15 % социальных сетей — это очень много. При том, что мы совершенно ничего не делаем для того, чтобы нас воспринимали как молодежное издание, скорее наоборот — мы быстрый анализ новостей, что, в общем, не совсем молодежный формат.

На этот вопрос сложно ответить. Это из области политического гадания. Я не верю, что 89,9 % поддерживает Путина — это невозможно. С другой стороны, я понимаю, что это все равно точно больше 50 %, наверное, около 60 % населения. Другое дело, что, как мне кажется, вопрос коррупции, вопрос неспособности реализовать себя в России сейчас стоит настолько остро, особенно в регионах, где уже идет полное бесконтрольное изъятие собственности на фоне нынешнего экономического кризиса в России, что он будет намного более определяющим, чем любые политические процессы.

Павел Каныгин

Я тоже скажу, что гадать не буду и гадать глупо, а именно сейчас в России это не очень правильно — загадывать или делать какие-то прогнозы. Мы находимся в такой ситуации, когда прогнозировать больше, чем на три дня вперед бессмысленно. Ты не знаешь, что будет через три дня. Ты не знаешь, что будет через неделю. Будет у тебя как у журналиста возможность работать или не будет? Запретят тебе покупать западные, импортные мандарины и лекарства или не запретят? Можно будет ездить в отпуск или нельзя? Заберут у тебя загранпаспорт или оставят? Посадят тебя или нет? В общем, все стало очень интересно, все стало очень захватывающе, как американские «русские» горки. Мне хочется наблюдать и смотреть, к чему же это все приведет.

Руслан Дейниченко

Я немного добавлю по ситуации в Украине. Демографическая ситуация у нас, наверное, приблизительно такая же, как в России. Но что приятно: после «революции достоинства», которая у нас была меньше двух лет назад, что-то изменилось. Очень активной стала молодежь, и она действительно сейчас взяла на себя функцию контроля за чиновниками, за правительством, возникло очень много неправительственных организаций, которые следят, чтобы не было коррупции, и они взяли на себя не только контролирующую функцию. Многие молодые люди, выпускники, в том числе западных университетов, пошли во власть и пытаются что-то сделать. Очень много разработок в сфере IT. И это, может быть, часть ответа на ваш вопрос, то есть все возможно.

Руслан Дейниченко сказал, что честная информационная журналистика не может по многим причинам противостоять пропагандистским СМИ. Что нам делать в такой ситуации? Запрещать российские пропагандистские СМИ или

создавать собственные пропагандистские СМИ? Можем ли мы выработать какие-то критерии, которые позволят отличать информационное СМИ от пропагандистского?

Ирина Лагунина

Что мы можем противопоставить пропаганде? Вы предоставили альтернативу: либо контрпропаганда, либо запрет. Это неправда. Ни то, ни другое не будет иметь успеха. Можно я расскажу вам одну историю, которая произошла с «Радио Свобода» совсем недавно? Произошла она в тот день, когда был сбит российский самолет в Египте. Мы столкнулись с тем, что приблизительно через два часа после трагедии российские тролли, вся армия кремлевских троллей выудила из Твиттера одного человека и подняла его на знамя. Этот человек, может быть фейковый, может быть нет, утверждал, что является корреспондентом «Радио Свобода». У него был аватар — фотошоп с логотипом украинской редакции «Радио Свобода». И этот человек вдруг начал твитить, что мало сбить один самолет, надо бомбить российские города, россияне, дескать, это заслужили. И вся армия кремлевских троллей подняла эти твиты, и началась атака на нас, на русскую службу «Радио Свобода» под лозунгами, что вот что делают эти американцы (одновременно «проукраинцы»), вот как они нас ненавидят.

Я сидела за Твиттером и наблюдала, как от нас уходят подписчики, я видела этот откат просто в реальном времени, потому что это работает — атака троллей работает. Люди же не будут разбираться, они видят, что — ой, да, действительно, логотип «Свободы», издевается над трагедией... И я сидела и в течение шести часов отвечала на каждый мейл, на каждый твит, что нет, этот человек у нас не работает, нет, это не наше мнение, нет, мы не можем его уволить, потому что он у нас не работает. Мы выпустили официальное заявление в Твиттере, что он у нас не работает. Украинская служба выпустила официальное заявление в Твиттере, что этот человек у нас не работает. И все это продолжалось шесть часов, пока я наконец не извлекла для себя очень хороший урок. Этот урок заключается в том, что никогда не надо забывать подтвердить свои ценности. И в одиннадцать часов вечера я написала твит: «Радио Свобода подчеркивает, что атаки троллей, использующие человеческую трагедию, глубоко аморальны». После этого я наблюдала в реальном времени, как к нам возвращаются наши подписчики. В тот день мы потеряли четыре тысячи, а приобрели пять тысяч.

Мы очень часто принимаем за данность ценности, в которых мы живем. Мы их не проговариваем, мы о них не напоминаем, а очень зря, потому что это действует на людей, это реальная альтернатива пропаганде. И не надо бояться повторять то, на чем основано общество, в котором мы здесь сейчас находимся.

3-Й БЛОК — МЕСТНЫЕ СПОРЫ

Ведущий:

Штепан Черноушек, Институт по изучению тоталитарных режимов / Gulag.cz

Выступающие:

Алексей Бабий, красноярское общество «Мемориал»

Алексей Бабий — председатель красноярского общества «Мемориал». Работает в организации с 1988 года, с 2003 года руководит рабочей группой, издающей «Книги памяти жертв политических репрессий в Красноярском крае». Регулярно выступает с лекциями по этой теме и публикуется в специализированных изданиях. Член Союза российских писателей.

Ирина Флиге, петербургский «Мемориал»

Ирина Флиге — директор петербургского отделения общества «Мемориал», с которым сотрудничает уже с конца 80-х годов. Занимается преимущественно историей советских репрессий и исправительно-трудовых лагерей Гулага. Опубликовала более 40 статей и научных работ на эту тему. Руководит проектом «Виртуальный музей Гулага» и проектом интерактивной карты мест, связанных с советскими репрессиями, т. наз. «Некрополя террора».

Татьяна Курсина, «Пермь-36»

Татьяна Курсина была одной из основателей и многолетним исполнительным директором Мемориального музея истории политических репрессий «Пермь-36». Координировала выставочную и образовательную деятельность музея, направленную в первую очередь на изложение новейшей российской истории и проблематику российского тоталитарного прошлого. Продолжает заниматься этими темами и после принудительной передачи музея «Пермь-36» государственным органам, произошедшей в 2014 году.

Сергей Лукашевский, Сахаровский центр

С 2009 года Сергей Лукашевский является исполнительным директором московского Сахаровского центра. Долгое время занимается историей диссидентского движения и проблематикой прав человека в России. В девяностых годах проводил первые мониторинги прав человека, реализованные Московской Хельсинкской группой. В 2004 году стал одним из основателей Центра «Демос», первого российского общественного объединения, занимающегося исследованиями в области прав человека.

Сергей Лукашевский, Сахаровский центр

Сахаровский центр иначе называется Общественной комиссией по сохранению наследия академика Сахарова. Он был создан в начале 1990 года вдовой Сахарова Еленой Георгиевной Боннэр и ее коллегами по научной и правозащитной деятельности. В 1993 году был открыт архив Сахарова, а в 1996 году собственно Сахаровский центр. Музей Сахаровского центра — единственная музейная экспозиция в России, которая рассказывает не только о политических репрессиях, а о советском государстве как о тоталитарном режиме. Это довольно значимая, на мой взгляд, разница.

Музейная экспозиция рассказывает о возникновении советского государства, о его идеологии и мифологии и, естественно, о практике политических репрессий на всем протяжении советской истории, с 1917 года и до начала перестройки. Другая уникальная тема экспозиции — сопротивление несвободе: от восстаний в лагерях в начале 1950-х годов и разнообразных подпольных марксистских групп до правозащитного диссидентского движения и даже немного об альтернативной культуре. Мы также располагаем архивной коллекцией и библиотекой. В «Мемориале» и в Сахаровском центре — две самые крупные негосударственные библиотеки, посвященные этой тематике.

Сахаровский центр в последнее время стремится сделать свои коллекции и архивы доступными для тех, кто не может приехать в Москву и прийти к нам. Библиотека имеет электронный каталог, музейная коллекция постепенно выкладывается в Интернет. К сожалению, она доступна только на русском языке, но тем не менее всякий, кто хотя бы немного знает русский язык, сегодня может взглянуть примерно на половину экспонатов предметного фонда, а в будущем на весь состав коллекции. Это живопись — как лагерная, так и просто работы репрессированных художников, — небольшое количество предметов быта и артефактов того времени и тому подобные вещи. Также Сахаровский центр поддерживает базы данных, посвященные художникам, репрессированным в результате Большого террора. Самое главное, самый большой наш ресурс — это собранные воспоминания о ГУЛаге, как целиком, так отдельные их фрагменты.

Кроме того, Сахаровский центр является площадкой для проведения выставок, спектаклей документального театра, а также самых разнообразных дебатов, дискуссий, лекций. В этой области мы сотрудничаем как с нашими коллегами, которые также занимаются темой сталинизма и политических репрессий, так и в целом с историческим сообществом, в частности с Вольным историческим обществом — новой российской общественной инициативой, которая ставит своей задачей противодействовать манипулированию историей в целях пропаганды.

В первую очередь за свою публичную деятельность мы в конце 2014 года попали в так называемый «Реестр организаций, выполняющих функции иностранных агентов». В этой связи я должен в целом пояснить, как мне видится политика российского государства в отношении независимых неправительственных организаций. Сегодня в рамках

государственной пропаганды много говорится о том, как российские власти поддерживают некоммерческий сектор, сколько миллиардов рублей выделяется на государственные гранты общественным организациям и т. д. В действительности политика и стратегия российской власти заключается в том, что российский режим не признает гражданские организации равноправными партнерами по диалогу, как это должно быть в соответствии с классическим пониманием гражданского общества и демократии.

Организации некоммерческого сектора рассматриваются как сервисные структуры, которые должны оказывать услуги населению. И если государству эти услуги интересны или оно хочет переложить предоставление этих услуг на плечи общественных организаций, то им выделяется грантовое финансирование, причем подчас действительно в довольно большом объеме. Наоборот, в отношении тех общественных организаций, которые пытаются, во-первых, быть независимыми, а с другой стороны, занимать собственную позицию, продвигать в обществе отстаиваемые ими ценности, защищать права человека или отстаивать свое видение исторической памяти — в отношении них, напротив, действуют репрессивные законы и административное давление.

Если говорить кратко, закон об иностранных организациях и иностранных агентах заключается в следующем: если организация получает хотя бы один доллар или один евро средств на свой счет, неважно от кого — от благотворительного фонда или от частного лица, и одновременно занимается так называемой политической деятельностью, она может оказаться в реестре организаций — иностранных агентов. Политическая деятельность трактуется российской властью максимально широко. Так, Сахаровский центр оказался в реестре за то, что «систематически проводил политические акции в виде общественных дискуссий, собраний и лекций».

По отношению к другим общественным организациям, в особенности в регионах, варианты трактовки понятия политической деятельности могут быть самыми абсурдными. Самый, наверное, анекдотический случай имел место в Самарской области, где политической деятельностью было признано наличие на полке в общедоступном офисе организации книг, посвященных политическим вопросам, в данном конкретном случае — проблематике коррупции. Поскольку любой человек может прийти в офис и увидеть корешок книги на полке, это якобы может повлиять на его общественную позицию, соответственно — это политическая деятельность.

Кроме того, в отличие, например, от американского закона ФАРА²⁰, который часто упоминается российскими властями в пропагандистских целях, определение организации как иностранного агента не означает поиск принципала. То есть все организации, которые попали в этот реестр, являются агентами неопределенного круга лиц и организаций — неважно кого, вы чьи-то агенты, неизвестно чьи, но главное, иностранные.

²⁰ Foreign Agents Registration Act (FARA) — закон, принятый в 1938 году для защиты от распространения нацизма в США, сегодня он имеет вид постановления, которое обязывает к регистрации работающие в США иностранные лоббистские фирмы.

Далее представители российской власти опять же абсолютно демагогично утверждают, что самословосочетание «иностранный агент» является абсолютно нейтральным, как «страховой агент», и якобы никак не дискриминирует общественные организации. В действительности любой человек, более или менее знающий русский язык и российскую историю, или тот, кто попытается задать в русскоязычной поисковой системе словосочетание «иностранный агент», тут же узнает, что синонимом словосочетания «иностранный агент» является слово «шпион».

Наконец, в третьих: закон об иностранных агентах имеет очень серьезные правовые последствия. Фактически организации, попавшие в этот реестр, выделяются в специальное правовое гетто, и власти теперь имеют возможность вводить любые санкции по отношению к конкретной группе таким образом, чтобы эти санкции не затрагивали другие общественные организации. В частности, в данный момент на рассмотрении в Государственной думе находится законопроект, прямо запрещающий любым чиновникам, любым представителям государства взаимодействовать с организациями, которые находятся в реестре организаций, выполняющих функции иностранного агента.

С точки зрения влияние на работу организации попадание в реестр имеет разные последствия в зависимости от направления деятельности организации и региона, в котором эта организация работает. В частности, те организации, которые работают, например, непосредственно с учителями, с учреждениями образования, с администрациями или с правоохранительными органами и тому подобное, по сути, больше в принципе не могут проводить работу такого рода. Организации, которые располагаются в регионах, особенно небольших, также оказываются в общественном вакууме, и их деятельность также крайне затруднена. Организациям, которые находятся в крупных городах, в особенности в Москве, легче.

Если говорить конкретно о Сахаровском центре, то главное направление нашей работы — это работа с обществом, это те люди, которые приходят в наш музей, исследователи, которые приходят в наш архив, и публика, которая приходит на конференции, на публичные лекции. Причем здесь — я подчеркиваю, что говорю только о Москве, — мы видим скорее общественную поддержку и, во всяком случае сейчас, отсутствие страха приходиться в организацию, маркированную иностранным агентом. Однако мы, например, потеряли возможность работать со школами и школьными учителями и практически потеряли возможность работать с вузами. Подобные контакты могут быть только неофициальными, и мы не можем работать проактивно. Мы, естественно, ни перед кем, кто к нам приходит, не закрываем дверь, но сами не идем теперь в школы, потому что понимаем, что даже самых прогрессивных, самых поддерживающих нас учителей или работников системы образования мы поставим в очень сложную ситуацию: либо отказывать нам, ссылаясь на этот закон, либо рисковать возможностью продолжать свою профессиональную деятельность.

Важной частью функционирования закона об иностранных агентах являются штрафы. Сахаровский центр получил уже два штрафа. Штрафы колеблются в зависимости от организации от двух с половиной тысяч долларов до максимального — примерно двенадцать с половиной тысяч долларов, что для российской организации довольно большая сумма, а для каких-то организаций в регионах — вообще неподъемная. Первый штраф Сахаровский центр получил за то, что мы сами себя не внесли в реестр, то есть сами не пришли и не сказали: да, мы иностранные агенты. Правовой абсурд усугубляется тем, что за четыре месяца до того, как мы были внесены в реестр, у нас прошла проверка Министерства юстиции, которая не нашла у нас никаких признаков «политической деятельности» (наличие иностранного финансирования мы никогда не скрывали). Это значит, кроме всего прочего, крайне противоречивую правоприменительную практику.

Второй штраф мы получили за то, что отказывались маркировать свой сайт и свои информационные документы лейблом иностранных агентов. Последствия закона следующие: более подробная отчетность и необходимость везде писать, что ты иностранный агент. С первым пунктом, по-моему, практически все коллеги из общественных организаций по факту согласны. Мы готовы быть настолько открытыми, насколько это нужно российской власти, мы не скрываем ни своих финансовых документов, ни каких-либо иных. Но для организации, которая занимается в том числе историей репрессий по отношению к «врагам народа» и разнообразным вымышленным шпионам, называть себя иностранным агентом — это, конечно, требование издевательское и абсурдное.

Кроме закона об иностранных агентах сейчас уже начал активно применяться закон о нежелательных организациях²¹. Этот закон позволяет объявить нежелательной любую международную или иностранную организацию, и тогда любые официальные контакты с данной организацией — будь то получение средств или совместные проекты — становятся криминализованными. Последствием может быть уголовное преследование — от наложения штрафа до уголовного наказания и даже лишения свободы в пределе. Пока в этом списке находится три фонда, это три американских фонда: фонд NED, фонд Сороса и Американо-российский фонд по экономическому и правовому развитию. В последнем случае абсурдность ситуации состоит в том, что фонд был создан по соглашению между президентом Путиным и президентом Бушем, если я не ошибаюсь.

Реализация этого закона также приводит к тому, что международные благотворительные фонды начинают с огромной осторожностью относиться к любым действиям на территории Российской Федерации. Соответственно,

²¹ Т. наз. «Закон о нежелательных организациях» был принят в 2015 году. Он направлен в первую очередь на зарубежные неправительственные организации и фонды, имеющие свои филиалы в Российской Федерации. Если организация относится к «нежелательным», она не имеет право организовать на территории Российской Федерации никаких публичных мероприятий или распространять информацию о своей деятельности. В крайнем случае такая организация может быть ликвидирована.

это бьет по поддержке, по возможным контактам и взаимодействию российских организаций с их зарубежными коллегами. Хотя я нарисовал довольно мрачную картину, стоит отметить, что российская власть, несмотря на то, что имеет возможность принять любой закон и провести любое судебное решение, тем не менее в большинстве случаев независимые общественные организации в России пока не уничтожает.

Мы живем в ситуации, когда, с одной стороны, Сахаровский центр может каждый день проводить и дискуссии, и лекции, и театральные постановки, основанные на исторических документах, проводить выставки и тому подобное, но одновременно мы не знаем, что будет завтра, сможем ли мы работать с теми фондами, которые нас поддерживают, сможем ли мы вообще осуществлять какую-либо деятельность или к нам, например, придет пожарная служба и скажет, что у нас какой-нибудь огнетушитель стоит не на совсем правильном месте и поэтому помещение будет закрыто.

Поэтому мы в Сахаровском центре исходим из известного утверждения: делай что должен, и будь что будет. Мы продолжаем свою деятельность практически в полном объеме. К счастью, есть не только коллеги по сектору, связанному с историей политических репрессий, но и коллеги из других общественных организаций, не только правозащитных, которые нас поддерживают — в частности, реализуя с нами совместные проекты. Это чувство локтя очень важно. Несмотря на лейбл «агентства», мы не оказываемся в вакууме. Можно сказать, что общество, по крайней мере гражданское общество, пока имеет силы и драйв сопротивляться и противостоять этому нажиму.

Татьяна Курсина, «Пермь-36»

Мне хочется несколько слов сказать об истории организации «Пермь-36» — организации, которая в одном отдельно взятом регионе уничтожается с использованием всей мощи административного ресурса Пермского края Приволжского округа. Боюсь, что административный ресурс используется не только в этих административных границах. Для того, чтобы понять, что такое музей «Пермь-36», чем он занимался, что мы на самом деле потеряли сегодня в Пермском крае и не только для края, вот несколько кадров из нашей истории.

Я думаю, что в этой аудитории нет смысла говорить о ГУЛаге, но тем не менее известная карта ГУЛага, которую составил в свое время «Мемориал», имеет около пятисот знаков, где каждый знак — это целая система лагерных зон, причем каждая из них насчитывает от нескольких до многих десятков. Никто никогда не считал, сколько этих зон было, но мы знаем, что лагерных пунктов были десятки тысяч.

Сегодня от этого гигантского количества лагерей практически ничего не осталось. Часть из них была брошена, другая часть ГУЛаговских лагерей использовалась по назначению, но с годами эти лагерные комплексы были так капитально перестроены, что утратили аутентичность, оригинальность и сегодня о них уже нельзя говорить как о лагерных комплексах эпохи ГУЛага. То есть ГУЛак стерт с лица земли, и если он еще где-то остался, то это

очень дальние территории — мертвые дороги Якутии, Колымы, и именно в таком виде эти бывшие лагерные комплексы могли увидеть либо дотошные исследователи, либо журналисты.

Но от ГУЛага все же остался один островок. В 1992 году мы впервые увидели политический лагерь «Пермь-36» и обратили внимание на архаичные лагерные постройки, которые выглядели весьма необычно. Первое предположение историков, исследователей было следующим: скорее всего, это бывший лагерь ГУЛага. И только через два года, благодаря очень серьезным и скрупулезным исследованиям архивных документов, мы пришли к выводу, что лагерь «Пермь-36» с 1946 по 1953 год эксплуатировался как классический, типичный лагерь ГУЛага.

Все постройки, которые мы обнаружили, попав туда в 1992 году, были в аварийном, в руинообразном состоянии, и первое время на самом деле мало кому приходило в голову, что была необходимость заняться их восстановлением. И тем не менее пермское отделение общества «Мемориал» при поддержке московского «Мемориала» поставило задачу создать организацию для того, чтобы спасти, сохранить, реставрировать и восстановить бывший лагерный комплекс. Финансирования в ту пору не было практически никакого, поэтому достаточно много времени ушло на то, чтобы эта невыполнимая, на первый взгляд, задача была выполнена.

Уже в 2004 году эксперты ICOMOS и World Monuments Watch внесли памятник «Пермь-36» в список ста важнейших исторических памятников мира. Правда, «Пермь-36» внесли в тревожный список, список тех важнейших памятников, которые находились под угрозой. До 2012 года маленький коллектив, но с огромным количеством добровольных помощников, волонтеров и, прежде всего, при активном участии пермского «Мемориала» практически выполнил главную задачу. Мы спасли комплекс лагерных построек «Пермь-36» и, что самое главное, мы не утратили ни одного здания или сооружения, которые увидели еще в 1992 году.

В 2012 году эксперты ICOMOS предложили руководству музея «Пермь-36» подготовить памятник к включению в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Одновременно с восстановлением и реставрацией лагерных построек дирекция проекта «Пермь-36» занималась созданием Музея истории политических репрессий, и это предполагало очень серьезную, системную и методичную работу в архивах. Это предполагало создание выставок и экспозиций, это предполагало очень серьезную работу на территории Пермского края, на территории Российской Федерации и за ее пределами, просветительскую работу с выставками, которых насчитывалось около двух десятков.

Музей, которому было 10 лет, в 2007 году предложил краю целых два имиджевых проекта. Один из них — Международный гражданский форум «Пилорама». Очень важный для края проект — это Зимняя школа для преподавателей, в течение года их состоялось пять, причем это школа для учителей истории, преподающих в средней школе, и для преподавателей, которые работают в вузах Пермского края. Музей «Пермь-36» также

организовал семь смен для музейщиков края, для муниципальных музеев, а летом проходила Международная летняя школа музеологии.

Короче говоря, за очень короткий период времени музей получил очень широкую известность и признание, был включен, вернее, стал основателем Коалиции музеев совести и к 2012 году в рамках подготовки федеральной программы увековечения памяти жертв политических репрессий был включен в федеральную программу, которая готовилась под эгидой президентского Совета по правам человека. Ничего не предвещало того, что случилось в 2012 году. Мы были уверены, что летом 2012 года мы начнем мощный процесс музеефикации не только пространства музея, вернее, бывшего лагерного пространства, но и всей прилагерной территории и даже поселка, который расположен недалеко от музея.

И тем не менее со сменой губернатора в одном отдельно взятом крае, повторяю, сосредоточив весь административный ресурс, эту организацию просто начали уничтожать. Естественно, повод был найден: бдительный гражданин написал донос, а доносов за эти два года было беспрецедентное количество, и один из доносов был в Министерство юстиции Российской Федерации. Сразу же была проведена внеплановая проверка, и практически в пять минут, даже короче, чем нужно было для проведения этой проверки, «Пермь-36» была объявлена НКО — иностранным агентом. Конечно, штрафы начались с этого же времени.

Что касается администрации края и нового губернатора, новой команды, они предприняли все усилия для того, чтобы создать новую организацию в январе 2014 года. На месте общественного музея создано государственное учреждение. Именно государственное учреждение получило все здания построек, но самое главное, что именно государственное учреждение захватило все имущество музея НКО «Пермь-36». Я имею в виду музейные фонды, все коллекции, архив с архивными документами, научную библиотеку — это все оказалось в руках государственного учреждения, все было арестовано, опечатано, сменены замки, мы не имели и до сих пор не имеем никакой возможности попасть в эти помещения и воспользоваться своим собственным имуществом.

Мало этого, руководство края прекрасно понимает, что для того, чтобы стать настоящим музеем, новоявленный государственный музей должен иметь музейные фонды, без них он никакой не музей, а одно название, и поэтому избирается новая тактика. Администрация края придумывает — именно придумывает — целую вереницу арбитражных исков, за которыми нет никаких оснований. «Пермь-36» как некоммерческая организация всегда проверялась Контрольно-счетной палатой на предмет использования бюджетных средств, и к ней никогда не было никаких претензий.

Претензии начались именно с момента создания государственного учреждения. В течение двух лет велись переговоры, причем администрация края всячески избегала скандала, всячески избегала пресс-конференций и какого-то серьезного крупного разговора на эту тему, предлагая площадку для разговоров не на уровне губернатора, а на уровне его заместителя.

Четыре раунда переговоров, и они до сих пор не закончились. Последний документ в рамках этих переговоров был подписан в сентябре 2015 года, и эти договоренности практически должны вернуть ситуацию в прежнее состояние. И тем не менее воз и ныне там, и пока идут переговоры, новое государственное учреждение продолжает предъявлять иски, растут штрафы, штрафы имеют обыкновенные еще и удвоиться в своем размере, поэтому мы оказались в чрезвычайной ситуации.

Я хочу подчеркнуть вот какой момент: мы до сих пор живы только благодаря солидарным действиям пермского отделения общества «Мемориал». И несмотря на то, что руководство Пермского края тратит 200 миллионов рублей в год на создание положительного имиджа губернатора и его администрации, имеет солидные средства и держит в кулаке всю прессу Пермского края, тем не менее и газеты, и телевизионные каналы, а они ведь могут не писать, но стараются все-таки найти возможность и написать о тех событиях, которые происходят в музее «Пермь-36». Они поддерживают этот проект, они понимают, что происходит в так называемом государственном музее.

Общественный музей «Пермь-36» был музеем истории политических репрессий, в рамках всех проектов мы занимались именно этой темой. В настоящий момент все выставки, все экспозиции, все буклеты, любая продукция нового государственного учреждения ориентирована на то — и это открыто артикулируется — что деятельность государственного музея направлена не на создание музея репрессий, а на создание музея пенитенциарной системы. В ученый совет, в научное руководство государственного музея входят бывшие охранники лагеря Пермь-36 в пору политической зоны, то есть в 1970-е и 1980-е годы, когда этот лагерь был лагерем для изоляции диссидентов, — охранники из ГУФСИН, системы исполнения наказаний. Они работали в этом лагере, а сейчас они являются консультантами государственного учреждения, которое пришло на место общественной организации.

Имея поддержку, дирекция музея не только не сложила крылья, не только не отказалась от своих планов. Несмотря на эту действительно ужасную ситуацию, мы видим перспективы. Мы хотели бы прекратить все, что связано со штрафами, с долгами и с арбитражными исками, которыми нас пугают и которые реально придумывают местные власти. Мы хотели бы так называемый долг, который у нас сегодня есть перед властями края, — полтора миллиона рублей — собрать в рамках краудфандинговой кампании. Мы ее начали, мы открыли на своем сайте страницу, на которой объясняем, чего мы хотим. Мы хотим собрать средства для того, чтобы расплатиться с этими долгами, ликвидировать организацию с тем, чтобы никто уже не мог придумать нового долга или нового штрафа.

Мы готовы к созданию новой организации, и эта новая организация имеет в перспективе два проекта. Нас лишили памятника, нас лишили реального места, где можно работать, но мы надеемся на создание виртуального музея «Пермь-36». Второй проект — просветительский и исследовательский. Мы очень надеемся, что то, на что не хватало времени в бытность общественного

музея, а именно исследование истории Перми-36 как лагеря ГУЛага с 1946 по 1953 год и исследование истории Перми-36 как политического лагеря с 1972 по 1987 или 1992 год — вот этими темами займутся бывшие научные руководители общественного музея «Пермь-36». Третья исследовательская тема — сама история музея. У этого музея уже есть своя история — показательная, важная и полезная для тех, кто в России занимается гражданской активностью.

Вот, собственно говоря, наша стратегия. Что касается доноров, способных поддержать эти проекты, все переговоры с ними прошли, они закончены, и мы имеем такие фонды. Что касается исполнителей этих работ — все стадии переговоров тоже закончились. То есть мы готовы к началу этой деятельности. С февраля 2016 года мы бы очень хотели продолжить работу над изучением реальной истории, которая была бы мощным инструментом против той оголтелой пропаганды, которая развернута на территории всей нашей страны, а не только Пермского края.

Алексей Бабий, красноярское общество «Мемориал»

Я хотел бы поговорить о попытках восстановить памятники Сталину в разных городах. Мы отбили три такие попытки у нас в городе, то есть в каком-то смысле мы рекордсмены. Почему это важно — не дать установить очередной памятник? Потому что, помимо таких больших боев, которые происходят, скажем, в «Перми-36», на остальной территории России идет позиционная борьба. С противоборствующих сторон выступают люди, которых я бы не назвал сталинистами и несталинистами, а, скажем, людьми, которые по-разному понимают прошлое государства и его будущее. Они постоянно пытаются поставить флажки, так сказать, закрепив за собой некую территорию. Скажем, если в каком-то городе ставится памятник Сталину, это имеет символическое значение, потому что в этом городе мы отдали некоторую высоту, тактическую или стратегическую, а противоборствующая сторона ее завоевала. И это происходит на самых разных площадках: удается или не удается вставить в Книгу памяти ту или иную статью, удается или не удается поставить памятник жертвам политических репрессий в том или ином селе — идет перетягивание каната, постоянная позиционная борьба.

Сначала я бы хотел сказать очень важную вещь, которую вчера мимоходом задел Александр Даниэль и которая мне представляется очень значительной. Когда мы в первый раз противодействовали установке памятника Сталину, мы проводили сбор подписей против его установки. Это было в 2005 году, и примерно 50 % народа поставили подпись, а 50 % не поставили. Мы проводили все это около мэрии. Интересен такой феномен: те люди, которые не хотели ставить подпись против установки, говорили, показывая на мэрию: «Вот пришел бы Сталин, он бы сейчас всех этих перестрелял». О чем здесь идет речь? О том, что на самом деле одна из опор нынешнего сталинизма у нас стоит в основном на мифе, порожденном еще XX-м съездом КПСС, о том, что во время репрессий пострадала в основном разнообразная элита — хозяйственные деятели, партийные деятели, интеллигенция и т. д.

По этой логике, если сейчас придет новая твердая рука, новый Сталин, он должен покарать как раз эту самую элиту, этих коррупционеров, которые сидят во власти. То есть люди не понимают простую вещь: в репрессиях в основном пострадал простой народ, а по нашим оценкам порядка 80 % составляли крестьяне, притом в основном раскулаченные. Поэтому с тех пор мы сосредоточили свои усилия на подрыве этой опоры: как только нам удастся выйти на публичное пространство, о чем бы там ни шел разговор, мы тем не менее сводим его к тому, какие категории репрессированных более всего пострадали. То есть мы пытаемся разгромить этот миф. Мне представляется, что он очень опасен. Именно он составляет одну из основ бытового сталинизма.

Теперь по тактике. В разных городах пытаются установить памятники Сталину, особенно это происходит, как только отмечается юбилей победы, то есть 2005 год, 2010 год, 2015 год. Везде происходит одно и то же: кто-то объявляет о том, что будет установлен памятник Сталину, тут же телевизионщики начинают вызывать на различные круглые столы и дискуссии, интернет-издания включают онлайн-голосование, социологи пытаются проводить опросы. Сталин — это раскрученное имя. СМИ делают себе рейтинги, политические деятели пытаются на этом попиариться, лишний раз поблистать в телевизоре, интернет-агентства накручивают посещаемость и т. д.

На самом деле мы оказываемся в очень глупом положении, потому что если мы сейчас начинаем спорить с теми же коммунистами за или против Сталина, мы просто участвуем в чужой игре, в пиаре Сталина и не более того. Это не то, чего бы нам хотелось. Спор этот достаточно бессмыслен, потому что одна сторона будет говорить о том, какие были достижения, другая сторона будет говорить о миллионах репрессированных, но это не произведет никакого впечатления на тех людей, которые уже давно определили свое мнение, и если для них приоритет — это государство, то они будут за Сталина, а если люди, то против.

И самая серьезная ошибка, которую допускают в городах, это то, что во внимание не принимаются местные политические расклады, власть считается однородной: власть — это кровавый режим, значит, мы обязаны... и т. д. На самом деле все не так однородно и там есть разные течения и разные установки. Независимо от того, как они относятся к Сталину или к памятнику, у них есть какие-то свои цели, и нужно все эти расклады использовать.

Что мы делаем обычно? Я говорю «обычно», потому что для нас это уже довольно рутинная процедура, мы довольно регулярно вовлекаемся в эти споры. Первое, что мы делаем, это смещаем фокус, уводим вопрос от Сталина и памятника. Мы говорим, что на самом деле памятник ни при чем, и Сталин ни при чем, это коммунисты пытаются пропиариться перед выборами, это партия «Патриоты России» пробует на прочность мэра, то есть мы смещаем фокус и уводим разговор. Или, как это было в 2005 году, когда в первый раз пытались поставить памятник: мэр давал обещание, что без широкой дискуссии он не установит этот памятник, и тем не менее на «Радио Свобода» промелькнуло, что существует договоренность и памятник будет поставлен. Мы нашли уже

готовый постамент от этого памятника в парке и дальше уже били по мэрии. Мы говорили: «Мэр обещал, он обманул избирателей». Когда подходили коммунисты и пытались спорить о Сталине, мы говорили: «Мальчик, отойди, у нас тут свои разборки. Мэр нарушил свои обещания избирателям. Мы сейчас разбираемся с мэрией, а вы со своим Сталиным отойдите в сторону, это все несущественно». Это был правильный ход: утверждая, что мэр обманул, мы имели большую поддержку, чем в споре за или против Сталина.

Когда второй раз пытались поставить памятник Сталину в Курейке, мы говорили, что на самом деле враги губернатора решили его подставить, испортить имидж ему и краю, а там у нас деловой форум, универсиада и т. д. В общем, нехорошие люди копают под нашего губернатора. И мы действительно не кривили душой, потому что у губернатора Хлопонина²² был имидж современного, делового, неполитизированного чиновника. В 2006 году мы доказываем губернатору, что памятник вредит имиджу края, что это нельзя, что — вы себе же сделаете хуже, если его поставите, если такое допустите.

Мы очень гибко использовали политические расклады, которые были каждый раз разные, потому что формально краевая власть не может принять решение (это прерогатива городской власти — устанавливать или не устанавливать памятник), но может как-то влиять, помогать или мешать. И в 2005 году мы нападаем на мэрию, зная, что это выгодно краевой власти — у них в это время трения, и поэтому мы получали какую-то негласную поддержку. Мы, по сути дела, были инструментом борьбы краевой власти с городской. Но нам-то что? Мы решали свою задачу по противодействию памятнику. Пускай паны бьются меж собой, мы это можем использовать. В 2015 году мы, наоборот, буквально защищаем мэра (уже другого). Мы знаем, что мэр не хочет ставить памятник Сталину, но на него оказывается очень сильное давление, потому что кругом патриотизм, известно какая линия, юбилей победы, при этом ситуация за 10 лет очень сильно изменилась, и поэтому здесь уже совсем другая риторика получается. Мы говорим мэру: мы верим в то, что вы не поддадитесь давлению, мы в вас верим и т. д. Вот видите, какие циничные люди в Красноярске.

Но если уж не удалось отвертеться от дискуссии, то мы опять-таки предпринимаем все усилия, чтобы уйти от обсуждения личности Сталина. Не упоминаем Сталина, не упоминаем понятие «сталинское». Ведем речь о тоталитарной системе как таковой. Далее, раздвигая временные рамки, мы вообще не говорим о сталинских репрессиях в 1930-е, в 1950-е годы. От 1917 года и до наших дней — вот оно тоталитарное государство в разных фазах, в разных видах. Дальше, раздвигая географические рамки, мы говорим не только о СССР, мы говорим о сходных режимах, в том числе о немецком национал-социализме. То есть мы всячески уходим от обсуждения личности. Как только мы начинаем обсуждать личность Сталина, мы работаем на его пиар, потому что неважно, хвалим мы его или ругаем — мы его пиарим.

²² Александр Геннадьевич Хлопонин (род. в 1965 г.) — российский политик, с 2010 года занимает должность вице-премьера РФ, в 2002–2010 годах был губернатором Красноярского края.

Если уж начинается дискуссия, речь обязательно заходит о цифрах. Сталинисты говорят о том, что мемориальцы завывают количество репрессированных. Я в этом случае нашел хороший ход, я их спрашиваю: «А сколько нужно, чтобы считать режим кровавым? Вот назовите цифру, до которой он так себе, нормальный режим, а если больше, то это уже кровавый режим. Назовите мне это цифру, тогда поспорим, какие цифры есть на самом деле, характеризуют они или нет». Как ни странно, такие вопросы ставят оппонента в тупик, он не может эту цифру назвать, и оказывается, что цифры на самом деле не важны. Бесполезно, особенно по телевизору, тратить время на то, чтобы излагать какие-то мысли, они не доходят до телезрителя. Телезритель так устроен, что он следит больше за выражением лица, за тем, кто кого в тупик поставил, но более или менее сложные материи излагать по телевизору — это просто бессмысленно.

У нас есть хорошая цифра — красноярский миллион. Миллион человек, связанных репрессиями с Красноярским краем, и эту цифру мы всегда можем доказать не просто на основе какой-то статистики, они перечислены пофамильно, в том числе и в наших Книгах памяти. Поэтому с этой цифрой поспорить очень сложно.

Есть и другие нестандартные ходы. Очень важно сломать повестку. Оппоненты ожидают, что мы будем спорить вокруг фигуры Сталина. Повестку надо напрочь сломать, уйти от этого. В 2005 году мы организовали под окнами мэрии сбор подписей, не столько для того, чтоб собрать подписи, а чтобы была какая-то акция, которую не надо согласовывать как митинг и которая может быть новостным поводом для СМИ. Важно было, чтобы под окнами мэрии что-то происходило. В это же время мы с помощью своего сайта организовали присутствие журналистов и звонки из других городов и стран. Мы завели на своем сайте страницу освещения противодействия установке памятника и постоянно выкладывали туда свежие новости, документы, фотографии. Эта страница временно стала лицевой страницей нашего сайта. Она велась на трех языках: русском, немецком и английском. В то время социальные сети не были развиты, но в Интернете был форум «Реклама-мама», на котором круглосуточно общались красноярские журналисты, рекламщики и т. д. Стоило завести там топик и дать ссылку на нашу страницу — и журналисты получили канал с полной и свежей информацией по событию. И они воспользовались этой возможностью.

Три человека собирают подписи, в это же время роятся журналисты, которые пытаются от мэра чего-то добиться, чиновники бегают от журналистов по коридорам, потому что их спрашивают: «А кому этот постамент? Вы обещали, что будет обсуждение, а чей это постамент? Сталинский или не сталинский?» Был очень большой шум, но очень малыми силами.

Потом мы даже хотели сами организовать драку, потому что мы предупреждали мэра, что установка памятника вызовет раскол общества. Но коммунисты оказали нам услугу. Пришли два молодых коммуниста, вырвали у нас подписные листы, начали их закидывать в урну. Тут подбежали какие-

то люди, начали у них это отнимать. Получилась потасовка. Ее засняли телевизионщики. И потом мы говорили: «Ну вот, еще памятника нет, а драки уже начались. Вам это надо или не надо?» Это было очень удачно.

Когда коммунисты в этом году собрали подписи за установку памятника Сталину и их оказалось порядка сорока тысяч, что нам было делать? Опять проводить сбор подписей? Я просто отнес в мэрию, где должен был решаться этот вопрос, двенадцать томов нашей Книги памяти — в общей сложности в этих двенадцати томах почти сто тысяч человек, семьи — и заявил на камеры, что были бы эти люди живы, они бы проголосовали против, вот мы сдаем свои подписные листы против памятника Сталину.

Резюмируя, скажу, что это не последняя попытка установить памятник Сталину в России, и я надеюсь, что сказанное мной поможет моим коллегам в других городах. Не ввязывайтесь в дискуссию о Сталине, ломайте повестку дискуссии, смело применяйте нестандартные ходы и используйте местные политические расклады.

Ирина Флиге, петербургский «Мемориал»

Я многие годы занимаюсь проблемами исторической памяти: как она конструируется, как она существует, как бытует. Думаю, что в рамках нашей конференции было бы интересно рассмотреть в деталях один сюжет, связанный с памятью о Соловецком лагере. Соловки — странное место в нашей истории. Они, как известно, имеют прогностическое, преобразующее значение. То, что происходит на Соловках, потом в какой-то мере проявляется во всей исторической и культурной жизни России, и поэтому то, что происходит с памятниками на Соловках, тоже имеет свой особый смысл. Из всей панорамы памяти о Соловецком лагере сегодня я представляю только один сюжет — историю одного памятника, память об одной могиле.

Для начала несколько исторических фактов. С июня 1923 до лета 1925 года в Соловецком лагере содержались заключенные особой категории — социалисты и анархисты, выступавшие против большевистского режима. В отличие от других «контрреволюционеров», их официально называли «политическими», «политиками» и для них был организован особый режим. Во-первых, их разместили отдельно от других заключенных, в так называемых «политскихитах» — бывших скитах Соловецкого монастыря, сначала в Савватьевском скиту, а затем и на островах Большая Муксалма и Анзер. Во-вторых, для них был установлен особый режим — полулагерный, полутюремный: в отличие от заключенных других отделений Соловецкого лагеря, им нельзя было выходить за пределы скита, постоянно охраняемого стрелками ВОХР, на ночь их запирали в корпусах. В третьих, их не заставляли работать, они свободно общались друг с другом, имели свой орган управления (старостат), получали помощь от Красного Креста. Все это вместе взятое называлось «политрежим».

С конца 1923 года ОГПУ²³ и администрация лагеря начали политику

²³ ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление) в 1923–1934 годах выполняло, прежде всего, функцию советской тайной полиции. Было предшественником НКВД.

ужесточения «политрежима», в частности ограничили прогулки во дворе. 19 декабря 1923 года охрана и заранее присланная в Савватьево команда открыли огонь по политзаключенным Савватьевского политскита, отказавшимся уходить с прогулки в знак протеста против новых правил. Результат — пятеро убитых и трое раненых, один из которых вскоре тоже скончался. Несмотря на попытки большевистской власти скрыть «савватьевский расстрел», он стал известен всему миру, вызвал широкий резонанс и стал символом несломленности русских революционеров, с одной стороны, и бесчеловечности и лицемерия большевистского режима, с другой.

Этот расстрел получил широкую огласку в мировой печати. Публикации на эту тему появились не только в зарубежных изданиях русских социалистов — меньшевистском «Социалистическом вестнике» и эсеровской «Революционной России», — но и в центральной газете австрийских социал-демократов «Форвертс» и других социалистических газетах. Вот заголовки газетных статей 1924–1926 годов: «Преступление», «Декабрьская бойня на Соловках», «Бойня в Соловецком концлагере», «Повод к убийству», «К соловецкой трагедии», «К убийству на Соловках», «К годовщине соловецкой трагедии» и т. д.

Но кроме газетных статей и воззваний, соловецкий расстрел оставил по себе и вещественную память. Уникальный случай в истории ГУЛага, объяснимый только паникой (и, быть может, определенным смущением — год-то еще только 1923-й), охватившей соловецкое начальство: заключенным разрешено было поставить памятник своим товарищам, убитым администрацией.

Вот как описывал похороны погибших меньшевик Борис Сапир (1926)²⁴:

Хоронить разрешили вне тюремной проволоки, без речей... Выбрали место за проволокой и приступили к рытью братской могилы. Трудная это была работа. Почти двое суток, непрерывно сменяясь, группами долбили промерзшую землю, доставали камни. Последняя ночь перед похоронами... Трупы убитых обмыли, одели, положили в гробы и перенесли из сибирской камеры в эту бывшую церковь, место общих собраний коллектива. У гробов продолжается непрерывное дежурство. Нет уверенности, что в самую последнюю минуту администрация не выкинет чего-нибудь.

Утро похорон. Лица убитых открыты. Гробы украшены зеленью — венки из зеленых елей, букеты из еловых веток. У стен знамена всех фракций скита — три красных, одно черное — анархистское... Знамена сшиты из случайных лоскутков, бывших под рукой. Ленты с именами мертвых. Голоса всех сливаются в последнем общем прощании: «Вы жертвою пали борьбы роковой, любви беззаветной к народу». Эти звуки и слова, которыми окрашено все протяжение русского революционного движения, они имеют право огласить древнейший скит Соловецкого монастыря.

Стук молотка. Забивают гробы. Затем медленно на руках, поддерживая веревками, их выносят во двор, где собрался весь коллектив. Гробы несут

²⁴ Борис Моисеевич Сапир (1902–1989) — российский меньшевистский политик и основатель московского социал-демократического движения. В 1921–1925 годах неоднократно подвергался арестам и тюремному заключению, более двух лет провел на Соловецких островах.

впереди толпы, гуськом по той же дорожке, на которой произошла бойня. Калитка в ограде открыта. Тут же вышка. На ней часовой. Молча провожает он глазами шествие. Могильная яма вырыта на холме вблизи скита. Гробы один за другим опускаются в братскую могилу. Долго засыпают яму. Наконец и это кончилось. Еще раз — «Вы жертвою пали» и анархическое «Черное знамя».

В 1925 году заключенных анархистов и социалистов перевели из Соловков в сибирские тюрьмы материка. Но двухгодичное пребывание «политических» на Соловках не прошло бесследно. Осталась вечная память — большой серый камень, покрывающий братскую могилу. И через десятилетия бывшие соловецкие политзаключенные описывали гибель товарищей, похороны и обустройство могилы в Савватьево, называли их имена с поразительной точностью, как будто это произошло только что. Воспоминания об этом есть практически во всех мемуарах соловецких заключенных 1920-х годов. И, конечно, этот эпизод вошел в «Архипелаг ГУЛаг» Солженицына.

Дата 19 декабря 1923 вошла в историю. Память о людях, о борьбе за политрежим осталась. А могила исчезла. Как и когда это произошло, осталось невыясненным. Попробуем собрать все бытующие версии исчезновения могилы и надгробного камня.

Когда была уничтожена могила? — Сразу после вывоза «политиков» на материк в 1925 году? После ликвидации лагеря в 1939-м? В период с 1941 до 1944 года, когда в Савватьево располагалась школа юнг?

Кто уничтожил надгробный камень? — Администрация лагеря? Уголовники? Юнги?

Как он был уничтожен? — Разбили? Столкнули в озеро? Перевернули надписью вниз? Выкопали позади этого огромного валуна яму и туда столкнули? Как-то еще?

В июне 1989 года, во время первых Дней памяти на Соловках, которые проводило общество «Мемориал» вместе с Соловецким музеем, посещение Савватьевского политскита и попытка найти могилу стало центральным событием. Этот сюжет вошел в телепередачу популярной тогда телепрограммы «Пятое Колесо». И буквально через несколько дней после этой передачи в «Мемориал» позвонил Владимир Осипович Рубинштейн, бывший меньшевик и заключенный Савватьевского политскита, свидетель событий 1923 года. Он и передал мемориальцам рисунок местности, на котором отметил местоположение братской могилы.

Из рассказа Владимира Рубинштейна:

«Там было даже два валуна. Если мне память не изменяет — два, именно два валуна с этот шкаф. Как их можно было разбить?.. Ну я не знаю. Один поменьше, а другой очень большой валун, на который был поставлен сверху более маленький».

На следующий год молодежная группа московского «Мемориала» (руководитель Сергей Кривенко) провела экспедиционные поисковые работы на местности. Были обследованы все крупные валуны со всех сторон, но камень с именами так и не был найден. Экспедиция получила шуточное

название «Экспедиция по переворачиванию валунов», потому что как раз эта экспедиция разрабатывала версию, что камень был перевернут. В 2005–2011 годы были проведены совместные экспедиции Соловецкого музея и «Мемориала» (московского и петербургского), обследована территория вокруг скита, составлены планы местности и определены три возможные точки расположения утраченной могилы. Мы (Константин и Алла Морозова, Ольга Бочкарева, Татьяна Моргачева и Ирина Флиге) пришли к выводу, что дальнейшие поиски возможны только с помощью археологических исследований.

В июне 2013 года исполнилось 90 лет со дня прибытия первого этапа политических заключенных, а 19 декабря 2013 года исполнялось 90 лет со дня расстрела в Савватьево. Мы решили, что в августе, во время очередных Дней памяти на Соловках (24-х по счету, традиция никогда не прерывалась) мы установим на островах два памятных знака: один — всем заключенным соловецких политскитов — на Аллее памяти в поселке Соловецкий, а второй — шестерым погибшим в 1923 году — естественно, близ Савватьевского скита. Забегая вперед, скажу, что это были первые и единственные в России памятники социалистам и анархистам, боровшимся с большевистским режимом.

Седьмого августа на Аллее памяти мы открыли памятник узникам соловецких политскитов. Аллея памяти — это такое специальное место под стенами Соловецкого кремля: маленький участок на месте огромного исторического кладбища — монастырского, а затем лагерного. Кладбище уничтожили в 1940 году; на его месте сначала построили госпиталь, потом жилые дома; в 1990-е его продолжали застраивать — коттеджами. Это место деформированной, травмированной памяти. По бывшему кладбищу проходит улица — теперь эта улица носит имя о. Павла Флоренского, религиозного философа и искусствоведа, заключенного Соловецкого лагеря, расстрелянного в 1937. В 2005 году рядом с улицей сделали выгородку и стали устанавливать внутри разные памятники соловецким заключенным, в основном — по национальному признаку. Памятник погибшим якутам. Памятник погибшим полякам. Памятник погибшим украинцам. Памятник погибшим армянам. Есть даже памятник русским. И здесь же мы поставили памятник заключенным соловецких политскитов.

А 8 августа в Савватьево был установлен памятный знак с именами погибших (место для памятника мы выбрали у дороги, в виду скитского здания, на открытой площадке около информационного стенда). Надпись на плите:

«Здесь, в Савватьевском политскиту, 19 декабря 1923 года, во время демонстрации протеста погибли от пуль охраны заключенные социалисты:

Наталья Бауэр, 32 года

Гавриил Билима-Постернаков, 26 лет

Меер Горелик, 26 лет

Елизавета Котова, 23 года

Георгий Качоровский, 27 лет

4-Й БЛОК — НОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Всеволод Попов, 27 лет

Они боролись за свободу народа, честь и достоинство личности».

Этот памятник простоял не более двух дней, уже 10 августа поступили сведения о его исчезновении. Обстоятельств нам не удалось выяснить до сих пор.

Когда памятник исчез? — На этот раз понятно: между 8 и 10 августа 2013 года.

Кто его удалил? — Администрация музея, он же монастырь? Монахи из Соловецкого скита? Иные неведомые силы?

Как? — Понятно, что демонтировали. Но встает другой вопрос: куда же он делся? Спрятан? Уничтожен? Использован на хозяйственные нужды?

Приведу небольшие отрывки из разговора со скитоустроителем Савватьевского скита отцом Яковом в августе 2015:

— Я вам никакой информации дать не могу. Его монтировали в мое отсутствие. Я его не видел, собственно говоря. Я позвонил потом в администрацию и сообщил, что здесь собираются устанавливать памятник.

— Дело в том, что, не забывайте, кроме администрации здесь в тот же момент перед приездом патриарха работают ФСБ, ФСО, чуть ли не спецназы всякие. Они вот перед приездом патриарха заставили меня всю траву выкосить, ходили с металлоискателем. И ваш памятник запросто любая спецслужба могла вывезти.

— Патриарх приезжает сюда каждый год, и спецслужбы за две недели до патриарха работают на острове. Эти ребята — они власть имеющие в стране и особенно церемониться-то не будут.

Круг замкнулся. Историческая память в России — странная штука. Память о терроре — это, собственно говоря, не память (о памяти принято говорить в прошедшем времени), а актуальное настоящее, и говорить сегодня мы должны не о памяти, а о наследовании. Кто в 2013 году принял на себя наследство администрации Соловецкого лагеря? Музей? Монастырь? И сколько еще должно пройти лет (неужели еще 90?), чтобы надгробный памятник 1923 года был вновь восстановлен?

Ведущий:

Ондржей Соукуп, газета *Hospodářské noviny*

Выступающие:

Александр Даниэль, петербургский «Мемориал»

Александр Даниэль — научный сотрудник петербургского «Мемориала». В прошлом участвовал в публикации советского самиздатского бюллетеня «Хроника текущих событий». Член объединения «Мемориал» с 1988 года. В настоящее время работает над проектом «Виртуальный музей ГУЛАГа». Занимается изучением истории советского диссидентского движения 1953–1986 годов и исторической памяти. Автор статьи «Советский Союз и Пражская весна», опубликованной в книге «За вашу и нашу свободу» (ÚSTR — Torst, Прага, 2010).

Влодзимеж Марчиняк

Влодзимеж Марчиняк — польский историк и политолог. К основным областям его исследований относятся развитие российской политической системы и формирование национального самосознания. В 2002 году стал профессором Института политических исследований Польской академии наук. Также работает в Институте Центральной и Восточной Европы Варшавского университета и Академии Ignatianum в Кракове, регулярно комментирует современные события в России для польских СМИ.

Мария Середа, Prague Civil Society Center

В настоящее время Мария Середа работает в пражском аналитическом центре Prague Civil Society Centre, который занимается поддержкой гражданского общества в странах бывшего Советского Союза. В прошлом работала в рязанском филиале организации «Мемориал», а также была координатором кампаний и активизма в российском филиале международной неправительственной организации Amnesty International.

Влодзимеж Марчиняк

Мой доклад может показаться абстрактным, особенно по сравнению с сегодняшним днем, который был наполнен выступлениями и дискуссиями об очень конкретных, очень важных проблемах, начиная проблемой учебников и содержания этих учебников и заканчивая проблемой памятников — обе достаточно конфликтные темы.

Выступая на этой конференции, я как не русский, а поляк, не берусь формулировать слишком жесткие тезисы на тему новой идентичности. Я подумал, что предложу свой способ видения или формулирования проблемы идентичности, в значительной степени учитывая польский опыт так, как я его понимаю, при помощи таких понятий, которыми я пользуюсь, чтобы обозначить проблему идентичности.

Исхожу из следующей предпосылки. Если события 1989 года — условно, а не буквально, то есть все события, которые символично обозначаются этой датой, — можно назвать началом восстановления суверенитета в Польше, то тогда надо спросить, что было до того и как определить период «после», который условно начинается с этой даты.

Я бы здесь применил следующий подход. В 1989 году в Польше заканчивается период революций, революционных потрясений, который длился пятьдесят лет, начиная с сентября 1939 года — то есть пять лет оккупации и сорок пять лет, скажем так, интернирования в социалистическом лагере. Я имею в виду не узкое, политическое понимание революции, а революцию в общественном смысле, т. е. период гигантских перетрясок, переселений значительной части нации, в большой степени разрушение общественного уклада жизни и т. д.

Если мы посмотрим на все революции, на весь исторический опыт, который имеется, мы можем сказать, что любая революция всегда заканчивается. Чем она заканчивается? Она заканчивается реставрацией. Если это так, то все проблемы, перед которыми мы сейчас стоим — это послереволюционная реставрация. После всех революционных потрясений перед нами стоит проблема реставрации — так, как это было, например, во второй половине XVII века в Англии или в начале XIX века во Франции.

Что восстанавливается в период реставрации? Что является главным мотивом, главным действием в период реставрации? Восстановление суверенитета, восстановление суверена. Думаю, что с политической точки зрения что эта проблема до сих пор еще не решена, она стоит перед Польшей. Думаю, что это можно применить и по отношению к России.

Если сравнить примеры давних реставраций и современных реставраций конца XX века и начала XXI века, мы, конечно, видим очень важную, существенную разницу. В чем эта разница заключается? Тогда сувереном был монарх, а если восстанавливается суверенность монарха, понятно, что он делает. Он прежде всего подчиняет себе подданных, но это маловажно, а вторая задача, которая перед ним стоит, — подчинить себе разные властные группировки, восстановить между ними равновесие. Это очень трудная и важная задача, которая решается в период реставрации.

А в чем суть реставрации в Польше после 1989 года? Думаю, что этот вопрос можно отнести и к России после 1990 года, когда была принята Декларация о государственном суверенитете, а в следующем году народ был формально провозглашен сувереном. А кем правит народ? То есть по отношению к кому он устанавливает свой суверенитет? Если мы анализируем само явление, сам процесс суверенитета, мы должны выделить субъект и предмет этого суверенитета. Если субъектом суверенитета является личность, то тогда объектом его суверенитета являются подданные, близкое окружение, группы, из которых близкое окружение состоит, и т. д. А кем владеет народ? Что на самом деле является предметом суверенитета такого субъекта, как народ? Предметом суверенитета народа является сам народ. И здесь начинаются проблемы. Как владеть самим собой? Извините за смелость, но думаю, что с этой проблемой мы сталкиваемся ежедневно. Просыпаясь утром, мы пытаемся восстановить свой суверенитет — по отношению к чему? К собственной лени, горячке собственных мыслей, к собственным эмоциям и собственной глупости — это я уже, конечно, только про себя. Если это перенести с человека на нацию, то можно сказать, что основной проблемой восстановления суверенитета нации является проблема характера. Нация должна иметь характер, чтобы реально восстановить свой суверенитет. Конечно, она может его не восстановить, и тогда суверенитет нации будет формальным, а реально сувереном будет кто-то другой, не нация. Это бывает очень часто. Кстати, я не оптимист в этом плане. Это во-первых.

И тогда мы подходим к проблеме идентичности. Первоначально я очень настороженно отнесся к вопросу «новой идентичности», потому что я скорее вижу проблему «реставрации идентичности». Потерянную идентичность надо восстановить, но сделать ее той же, какой она была до революции, уже проблематично. Вопрос характера нации — это первая часть проблемы восстановления идентичности, реставрации идентичности.

Какова же вторая часть этой проблемы? Не менее важная и, возможно, более сложная. Это проблема реставрации понятий. Понятия нам очень нужны: они дисциплинируют наше мышление, наше видение, наше умение понимать, что происходит вокруг нас, участниками чего мы являемся, они нам очень нужны, чтобы разговаривать с другими людьми, чтобы общаться. На самом деле без разговора никакое государство не получится, мы должны разговаривать, но у нас тогда должны быть понятия. Я, конечно, имею в виду понятие в логическом смысле, а не в смысле, в котором это слово в свое время употреблял мэр Москвы Юрий Лужков, когда говорил: «Мы все люди с понятиями», но это тоже в каком-то смысле норма.

Давайте возьмем пример с нашей конференции. В первой ее части появилась проблема «освобождение или оккупация», и эта проблема, скорее всего, рассматривалась в контексте фальсификации фактов, манипулирования фактами, а здесь налицо манипулирование понятиями. Если строго определить, что такое оккупация, а что такое свобода и освобождение, и уяснить понимание этих понятий, тогда я вообще не вижу никакой проблемы. Если

мы будем понимать освобождение с точки зрения негативного понимания свободы, как лишение чего-то, то, конечно, можно сказать, что, допустим, убийство человека — это его освобождение от жизни, правильно? Или ограбление человека — это освобождение от собственности, тогда нет спору. Другое дело, если мы будем исходить из положительного понимания свободы, тогда под освобождением мы будем понимать приобретение определенных прав и свобод.

Таким образом, восстановление понятий — это очень сложно. Почему? Потому что понятия абстрактны и одновременно они должны быть индивидуальны, т. е. абстрактное понятие употребляется конкретной личностью: это мой инструмент, и я должен его воспринять на индивидуальном уровне, я вооружен этим понятием, это мое, индивидуальное. Опять приведем пример: на нашей конференции прозвучала тема государства против человека как личности и того, кто кому подчиняется. Но на самом деле ведь государство — это абстракция, причем индивидуальная абстракция, абстракция конкретного человека. Если он владеет этой абстракцией, тогда противоречия нет, а если оно есть, то это означает, что на самом деле нация не является суверенной.

Реставрационную повестку дня можно определить следующим образом: восстановление национальной идентичности в сфере характера и понятий. Пожалуй, на этом я завершу абстрактную часть. Против моих слов можно возразить следующим образом: тема восстановления суверенитета нации актуальна для Польши, но для России она не актуальна, там важна другая задача — скорее всего, задача становления суверена. Но я сошлюсь на одного автора, который утверждает обратное: что на самом деле проблема восстановления суверенитета нации для России тоже актуальна.

Я имею в виду всем хорошо известного автора Владимира Владимировича Путина — хотя в данном случае это, скорее всего, коллективный автор — потому что хочу остановиться на известном послании Федеральному собранию 2005 года. Интересно посмотреть, как автор ставит проблему. В самых первых словах он говорит, что это послание посвящено решению главной политико-идеологической проблемы, а потом говорит, что «наша задача — это построение свободного государства» и что многие говорят, что это невозможно, так как русские не привыкли к свободе и т. д. Потом он говорит следующее: «...хотел бы вернуть тех, кто так считает, к реальности, к тому, что есть на самом деле. Для этого еще раз напоминаю, — он уже раз напомнил и еще раз напоминает, — как зарождалась новейшая российская история...». На самом деле это чисто философско-политическая тема — как зарождалась история, с чего она начинается.

Это уже почти классика политической философии: с чего начинается история? Но я это понимаю немножко по-другому: с чего начинается политика? Как построен текст? Он построен очень интересно. Во-первых, он построен по Хичкоку. С чего у него начинается сюжет? С землетрясения, а потом уже напряжение только растет. То же самое у Путина, потому что текст начинается

с катастрофы. Очень интересная постановка проблемы. С чего начинается современная политика в России? Она начинается с катастрофы. Если это по-другому читать — а я имею в виду фрагмент о великой геополитической катастрофе — то это исходная точка отсчета, с этого все начинается, а потом напряжение только возрастает.

Но есть еще один крупный фрагмент, в котором говорится о разграблении и обнищании, т. е. о все ужасах 1990-х годов. Если это соотнести с классической политической философией, то я бы сказал, что читаю в сокращенной форме Гоббса — катастрофа, хаос, все против всех, человек человеку волк и т. д. И что потом происходит? Приходит левиафан и устанавливает порядок. И весь текст о том, как этот порядок устанавливается, кем. В этом послании содержится очень точный ответ — сувереном. В тексте появляется суверен. В каких обстоятельствах он появляется? В контексте распада, и здесь очень важен, прошу обратить внимание, сюжет разделения нации. То есть у суверена есть конкретная задача — объединить разделенную нацию. Эта тема будет развита очень конкретно и подробно в известной Крымской речи, когда уже все детально прописано и все элементы уже изложены. Не буду об этом подробно говорить.

Если исходить из цитированного фрагмента, а это, в конце концов, только один документ, то думаю, что он принес нам ответ на вопрос, который я сформулировал. Как понимать сегодня проблему идентичности в России? Это, конечно, проблема реставрации, это проблема реставрации суверена, и пример этого суверена обозначен. Я даже не осмелюсь сказать, что он обозначен как один человек, как личность. Возможно, он в каком-то смысле коллективен — это более подробный, детальный вопрос, но это точно не нация, весь текст об этом говорит. Каким должно быть государство? Государство должно быть эффективным, государство не должно во все вторгаться, но некоторые вещи оно все-таки должно определить. Государство всегда вне человека.

Но, как в любой период реставрации, государство, конечно, должно быть гибким, оно должно учитывать баланс, восстанавливать общественное равновесие так, как это всегда происходит в периоды реставрации. Думаю, что здесь обозначен классический реставрационный период. И такая реставрационная повестка, не в смысле детальной политической программы, но в смысле изложения своей философско-политической точки зрения — такой гоббсовской, наверное, — здесь достаточно подробно прописана.

Александр Даниэль

Для конструирования национальной идентичности, как и любой коллективной идентичности, т. е. попросту для ответа на вопрос «Кто мы такие?» существует два сценария.

Один сценарий условно можно назвать национальным проектом. Мы — это те, кто объединился, чтобы принести в мир что-то новое. Такой сценарий обращен в будущее. Это достаточно редкий сценарий. Классический пример — это создание американской национальной идентичности в конце XVIII века:

мы — это те, кто строит свою совместную жизнь на принципах Декларации независимости.

Второй сценарий, куда более частый, можно так же условно назвать национальным преданием. Он обращен в прошлое и требует мифа. Употребляя слово «миф», я не хочу кого-то обидеть, я использую этот термин в его культурологическом значении. Национальное предание — это миф, который разворачивает национальную идентичность назад по оси времени. Мы наследники некоего исторического прошлого. Типичный пример — это попытка конструирования национальной идентичности в фашистской Италии: мы — наследники славы Рима.

Советская национальная идентичность за время своего существования попробовала оба сценария. До второй половины 1930-х она конструировалась по сценарию первого типа. В то время советский национальный проект звучал примерно так: мы — коммунары, люди, штурмующие небо, разведчики будущего, борцы за счастье всего человечества. Это была легитимизация через утопию. Нечеловечески трудная жизнь, неслыханная жестокость, ликвидация всех гражданских и политических свобод, полная изоляция от внешнего мира и конфронтация с ним — все это оправдывалось тем, что мы строим новый мир, новое светлое будущее, строим не для себя только, а для всего человечества.

С течением времени о светлом будущем стали говорить все меньше и меньше. Даже самым махровым идеалистам стало ясно, что никакого светлого будущего в Советском Союзе не получилось. В мощной сверхдержаве, созданной на месте Российской империи, люди вряд ли жили лучше и были счастливее, чем в других странах. Более того, все возрастающее число советских граждан приходило к выводу, что советский народ живет значительно хуже, чем другие народы. Еще в последние годы сталинской диктатуры было очевидно, что и власть, и народ нуждаются в новых общественных ценностях.

И тогда концепция была перевернута. В качестве сверхцели, оправдывающей существование режима и конструирующей советскую идентичность, было взято то, что перед этим рассматривалось как средство достижения цели — советское государство как таковое. Сакрализации подверглось не только само понятие державы, но и процесс ее построения — индустриализация, победа в войне, послевоенная реконструкция. Позднее перечень великих свершений пополнился созданием социалистического содружества, т. е. группы государств, полностью зависимых от СССР, достижением ядерного паритета, космическими успехами и т. д.

Новый миф, окончательно сформировавшийся к концу 1960-х, был сконструирован по второму типу. В отличие от старого, он был обращен не в будущее, а в недавнее прошлое. Для поддержания этого мифа потребовалось коренным образом переписать историю, выкинув из нее все противоречащее широкомасштабной эпопее прорыва отсталой нищей страны к имперскому величию — зверства гражданской войны, раскулачивание, голод, террор.

В начале брежневской эпохи конструирование фальшивой истории вызвало общественный протест, который вылился в серьезную конфронтацию между

властью и интеллигенцией, нарастающую и углубляющуюся вплоть до начала перестройки. Проблемы, которые в других странах остаются предметом академического интереса ученых и историков, во второй половине 1960-х стали одной из причин возникновения диссидентского движения.

Дальше начинается перестройка и с нею — новый поворот сюжета. Одним из главных слоганов перестройки стал лозунг «Требуем всю правду о прошлом». Уже в 1987 году возникает общественное движение «Мемориал», которое борется за то, что мы тогда называли восстановлением исторической правды. В сущности, в те годы общество потребовало от власти, чтобы она признала криминальность своего происхождения. Как происходила эта конфронтация между перестроечной властью и общественными требованиями, я рассказывать не буду. Напомню только, что одним из лозунгов путча 19 августа 1991 года было «Руки прочь от нашего славного прошлого». Путч провалился, власть рухнула, вместе с ней рухнула и официальная версия советской истории.

Закон о реабилитации жертв политических репрессий, принятый в октябре 1991 года, обозначает и прямо называет дату 25 октября 1917 года как начало эпохи беззакония и произвола, т. е. делегитимизирует весь период советской истории. Широкая дискуссия о прошлом, к которой «Мемориал» продолжал призывать общество, казалась после этого неактуальной. Разве не был главный вопрос успешно решен 21 августа 1991 года?

Однако это ощущение было только иллюзией. С прошлым возникли серьезные проблемы. И первая проблема состояла в том, что именно официальная версия советской истории в течение десятилетий была стержнем, связывающим воедино триста миллионов человек. Разрушение мифа о героическом, вдохновенном порыве масс, создавшем великую страну, неизбежно влекло за собой вопрос о новой самоидентификации трехсот миллионов человек, некогда названных брежневскими идеологами «новой исторической общностью — советским народом».

Но если нет советской истории, то нет и никакого советского народа. А если нет советского народа, то чью волю выражает существование государственного образования, обозначенного аббревиатурой СССР? Задним числом приходится с грустью констатировать, что после массового осознания преступности коммунистического режима — а осознание было неизбежным, потому что режим действительно был преступным — неизбежен был и распад Советского Союза. Для продолжения его существования не было решительно никаких мотиваций, кроме разве что рациональных соображений.

Вторая проблема непосредственно вытекала из первой. После декабря 1991 года примерно половина населения СССР оказалась жителями государства, которое стало называться Россией. И тогда вопрос, стоявший перед советским обществом и советским народом в последние годы существования коммунистической власти — Кто мы такие и что нас объединяет? — с роковой неизбежностью встал и перед населением новой России.

Кто мы? Уже не строители светлого будущего и даже не подданные крупнейшей сверхдержавы. А кто? Что должен отвечать средний гражданин

Российской Федерации самому себе на вопрос, куда должна двигаться Россия, если он не очень умеет ответить на вопрос, что такое Россия? Разумеется, на этот вопрос существует, казалось бы, всегда очевидный ответ: мы гражданская нация в том составе и на той территории, которую нам предложила как данность наша историческая судьба. Нельзя сказать, что этот ответ, самый современный и, кажется, наиболее европейский из имеющихся, совсем не был востребован. Он был востребован, но не в качестве национальной идеи, а как модус вивенди, которого приходится придерживаться за неимением лучшего.

Это, в общем-то, неудивительно, потому что подобные ответы нелегко даются даже странам с более развитыми традициями демократии и гражданственности. Возможно, в конце концов общество пришло бы к мысли о гражданской нации. Для этого всего лишь требовалось взглянуть на тогдашнее состояние России не как на историческую случайность, а как на закономерный результат определенного исторического развития.

Разрушив советские мифы о прошлом, следовало повернуться лицом к этому прошлому, пристально и честно его осмыслить. Осмыслить в прямом, этимологическом значении этого слова, т. е. придать ему новый смысл. Российской интеллигенции, той части населения, которая призвана заниматься общенациональной рефлексией, и исторической в том числе, сделать это не удалось.

В 1990-е период с 1917 по 1991 год был исключен из общественной рефлексии. Не было даже попыток заполнить эту черную дыру концептуальным содержанием, признать советское прошлое частью нашей истории и осознать его как проблему. В результате мы потеряли собственную национальную идентичность и вынуждены были искать новую. История этого поиска изобилует анекдотическими сюжетами вроде официального поручения президента Ельцина Российской академии наук: в кратчайшие сроки найти и сформулировать национальную идею для новой России. Разумеется, ничего путного из этого не вышло.

Вся эта неразбериха кончилась так, как и следовало ожидать: обращением к модифицированной советской мифологии позднего сталинизма и эпохи брежневского застоя. Именно в этой модификации суть путинизма. Что такое путинизм? Это довольно эклектичная идеология, в основе которой — позднесоветский культ государственности, очищенный от всех, даже чисто ритуальных, упоминаний о коммунизме. Реанимируется и активно используется фразеология евразийства, особой исторической философии, созданной в 1920-е годы русскими эмигрантами, искавшими пути примирения с новой советской действительностью. Присутствует национализм, правда, в умеренных дозах. Сводится он к тому, что мысль о державе как высшей общественной ценности является частью русского национального характера; но главную роль в этой паре играет роль все же держава, а не национальный характер. Если обращаться к европейским историческим аналогиям, то речь идет скорее о возрождении величия Рима, чем о «крови и почве». И все же основой путинизма является советская историческая мифология,

с единственным отличием — из нее полностью выброшена марксистская аранжировка.

Сам Владимир Владимирович Путин — в первую очередь продукт того времени, в котором он формировался как личность, т. е. брежневской эпохи. Немаловажную роль здесь, вероятно, сыграла его прежняя профессия, развивавшая в сотрудниках его ведомства привычку к постоянному моральному самооправданию. Самым распространенным способом самооправдания для сотрудников КГБ в 1970-е годы была именно апелляция к государственнической идеологии в ее наиболее концентрированном и даже циничном варианте.

Мы хорошо помним доверительные, так сказать, беседы с диссидентами, которые они себе иногда позволяли. В этих беседах они больше всего любили повторять следующее: «Ну коммунизм там, ленинизм — мы же с вами прекрасно понимаем, что все это чушь. Мы служим государству, а никакому не ленинизму; и в тюрьму мы вас отправляем не потому, что ваши взгляды немарксистские, а потому что ваша деятельность подрывает основы державы». Ведомственная система ценностей, исходящая из идеи служения самоценному государству, — при этом с государством отождествляется родина и народ — сквозит во всех выступлениях и действиях Путина и, в первую очередь, в формуле новой идентичности, предложенной российскому обывателю. После десятилетнего разброда и шатаний, длившихся все 1990-е годы, ему наконец объявили, кто он такой. Он, оказывается, подданный Великой Державы.

Завершающий вопрос: принята эта концепция обществом или нет? Ответ неоднозначен: и да, и нет. Здесь много говорилось о раздробленности, фрагментарности, противоречивости исторических представлений о советской эпохе, бытующих в современной России. Эта раздробленность, фрагментарность и противоречивость особенно наглядно предстают при сопоставлении — чтобы не сказать столкновении — нашей национальной памяти с национальной памятью наших соседей поляков, литовцев, латышей, эстонцев, теперь уже и украинцев. Возможно, извне трудно разглядеть нюансы и вариации, но общее впечатление таково, что, например, польская национальная память, представляет собой все-таки нечто намного более целостное, чем российская. Именно это столкновение двух типов памяти часто приводит в замешательство польских друзей и партнеров общества «Мемориал». Они нас спрашивают: «Объясните, наконец, что в России думают о Катыни! Русские согласны с «Мемориалом» — или русские согласны с теми так называемыми историками, которые отрицают катынское преступление? Или, может быть, с позицией военной прокуратуры, которая закрыла расследование по катынскому делу?»

И знаете, бывает очень трудно объяснить нашим польским друзьям, что не существует никаких русских вообще, которые имеют свое специфически русское мнение о Катыни, или о 17 сентября 1939 года, или о поведении Красной армии в 1944 году во время Варшавского восстания, или

о послевоенной судьбе Армии Крайовой. Так же бессмысленно спрашивать, принята или отвергнута обществом путинская концепция национальной идентичности. Вместо национальной идентичности у нас сейчас в России оформляются разные групповые идентичности, замешанные не на общем прошлом — такового, как выясняется, у нас нет — а на политико-культурных конструктах, которые каждая группа требует признать в качестве единственно правильной трактовки отечественной истории и основы для национальной самоидентификации и консолидации.

Мария Середа

Первое, что мне кажется очень важным: поиск новой идентичности действительно происходит. Этот процесс стал заметным еще какое-то время назад, а в последние года два становится все более интенсивным, хаотичным и, я бы сказала, немного паническим. Общество похоже на человека, который, почему-то зажмурившись, ощупывает самого себя со всех сторон и пытается понять, как же он выглядит. И в этом судорожном ощупывании участвует власть, которая подсовывает этому человеку некие образы, говоря: на, смотри, вот ты какой на самом деле. Вот тебе идея «Крым наш», мы спасли Крым, и ты этому радуешься. Или вот, смотри: мы защищаем традиционные ценности от разлагающейся Европы, потому что мы духовно богаче. Или — помнишь, мы великий народ, победивший фашизм, и ты этим гордишься.

Люди хватают эти образы жадно, с энтузиазмом ими размахивают, но недолго. Так это было, например, с Крымом. Видно, что этот процесс подсовывания образов, попытки подложить слепому человеку какие-то псевдоконструкции почему-то идет не очень успешно. Не могу сказать, почему так, но все это, видно, как-то не очень работает. Проще всего это наблюдать на всяких развлекательных процессах типа групп в социальных сетях, где люди размещают всякие смешные картинки и тексты. Вот там отчетливо видно, что не очень долго прожил юмор на тему того, что происходит на Украине. Еще, например, было заметно, что, когда пропаганда предложила всем срочно невзлюбить Турцию, люди начали вспоминать, что такой же трюк с ними проделали в отношении Украины два года назад, и как-то уже с прохладцей отнеслись к этой идее. Это дилетантские наблюдения, но я думаю, что имминет к этим быстрым, самодельными прививкам идентичности развивается достаточно быстро.

Второе, что мне кажется важным: этот процесс «нащупывания» идентичности заслуживает уважения, и очень важно, что он вообще происходит. Как только что говорил Александр Юрьевич Даниэль, действительно образовалась огромная дыра в том месте, где должно быть понимание того, кто мы такие. Эту дыру очень хочется как можно скорее заполнить. Мне кажется, что это искреннее и понятное желание, и неудивительно, что люди так судорожно пытаются его удовлетворить. Кто мы такие? Вроде когда-то были христианами, давайте попробуем быть православными христианами. Ой, почему-то не очень получается. Славяне? Социалисты? Нация, покорившая космос?

Многонациональная держава? К этому перебиранию идентичностей нужно относиться с уважением, потому что все мы, кажется, проходили через это, когда мы подростками пробовали побыть немножко хиппи, потом немножко панком, а потом немножко лиричной дамой с камелиями.

В связи с этим интересно, какую роль в поиске идентичности играет гражданское общество. По сути, есть часть жителей России, которая в процессе нащупывания идентичности не участвует. Это, например, я и многие вокруг меня. Мы, немножко задирая нос, говорим, что в этих подростковых экспериментах с православием, великодержавием и Великой отечественной войной участвовать не собираемся. Потому, что мы уже знаем, кто мы такие. Или нам только кажется, что мы знаем, но это неважно. Роль, которую мы себе выбрали, достаточно спорная: мы бьем по рукам тех, кто пытается эту идентичность нащупать, и говорим, мол, нет, миф с Великой отечественной войной не пройдет. И какие из вас православные христиане, не смешите нас. И миф спасения мира от фашизма тоже не прокатит, извините. То есть мы бьем по рукам, и понятно, почему это вызывает такое сильное отторжение. Мы видели вчера, как тут люди при входе на конференцию пели военные песни: они пытаются нащупать свою идентичность хоть где-то, хоть как-то, а мы говорим «это не пройдет», фактически ничего не предлагая взамен и никак в этом поиске идентичности не участвуя.

И еще несколько наблюдений о том, что такого трудного в этих поисках идентичности. Это только мое интуитивное наблюдение. До этого я три года работала в Amnesty International в Москве, мы занимались общественными компаниями, в связи с чем мне часто приходилось наблюдать, как люди размышляют о наших либеральных ценностях. Очень остро стоит вопрос «нас» и «их». Они — это Штаты, далекий Запад, и Европа — тоже Запад, но чуть поближе, в который мы регулярно ездим пить пиво, и поэтому он нам чуть-чуть понятнее. Вопрос отношений их и нас — это вопрос отстройки. Если вдуматься, то было довольно странно, что мы (я) ожидали, что вот сейчас мы можем с Европой интеллектуально взаимодействовать и будем послушно принимать их ценности. Такая большая, сложная и запутанная штука как Россия никогда ни у кого ничего смиренно перенимать не будет, не согласится ни в ком признавать моральные авторитеты.

У меня был такой любопытный опыт: с Amnesty International мы сделали видео-ролик в знак солидарности с гражданским обществом в России. Ролик выглядел так: люди в самых разных городах мира, от Токио и Стамбула до Лондона и Москвы, читали по строчке стихотворение Александра Галича «Старательский вальсок»²⁵ и передавали как бы из кадра в кадр листок бумаги со стихотворением. Это было очень трогательно — стихотворение, солидарность путешествует из страны в страну. Само гражданское общество очень радовалось, очень всем понравился этот ролик, все говорили, какие мы молодцы. А потом мы показали его на фокус-группе москвичам (средний класс,

²⁵ Александр Аркадьевич Галич (1918–1977) — российский поэт, публицист, бард и диссидент.

25—35 лет, с высшим образованием, вполне симпатизирующие либеральным ценностям) и получили сильно негативную реакцию: «Почему эти англичане и турки учат нас, что нам делать?!» Видно было, насколько остро стоит ощущение: кто мы по отношению к ним, и кто они по отношению к нам. Там намешано очень много всего: желание, чтобы у нас жилось так же хорошо, как на Западе. Но одновременно и страх, что будет как у них — беженцы, геи, ужас. Мы и хотим, чтобы нас там считали за своих, но быть как они не умеем и не хотим. Все перемешалось.

И еще один момент, последний. У меня есть ощущение, что то, что сейчас происходит с общественным сознанием, — это не совсем глубинные процессы. У людей есть ощущение, что сейчас какое-то военное время. Про это мы, опять же, говорили на предыдущих сессиях: например, о том, что все вроде бы согласны, что пропаганда — это плохо, но раз они против нас используют пропаганду, то и мы против них должны использовать пропаганду — война же. Или, например, что тоже очень любопытно: на той же самой фокус-группе в Москве социолог спросил про цензуру. Он спрашивал, нужна ли цензура, ему отвечали: нужна. Он спрашивал: зачем, а они говорили: потому что иначе люди не разберутся, их запутают. Он у каждого по отдельности спрашивает: а вы разберетесь или вас запутают? И каждый говорит: я-то, конечно, разберусь, а люди не разберутся.

В общем, есть ощущение военного времени, которое допускает особые меры и особый режим существования личности и общества. Поэтому мне кажется, что процессы, которые сейчас происходят, — это не совсем про глубинную идентичность. У каждого человека есть такая хорошая версия себя, вполне гражданская, ответственная, с нормальными ценностями и желанием их отстаивать. Но она отложена на потом, когда закончится военное время и мы сможем вернуться к вопросам свободы, к вопросам достоинства, к поискам. А сейчас надо выжить, переждать. Поэтому я надеюсь, что то, с чем мы сейчас имеем дело, это процессы запутанного, воспаленного общественного сознания. Люди скорее решают проблему, как справиться с этим текущим моментом, а не вопрос о том, кто мы такие.

Вопрос ведущего

Александр Даниэль прекрасно описал два основных пути конструирования идентичности, которые можно назвать условно направленным в будущее и направленным в прошлое. Я хотел бы вот на что обратить внимание. Ведь для успешной реализации обоих путей подразумеваются обязательные условия. Это наличие общих ценностей, причем не просто ценностей, а ценностей онтологических, т. е. ценностей, которые отвечают на вопросы о сущем и должном. Совершенно, как мне кажется, очевидно, что в настоящее время у граждан России нет таких общих онтологических ценностей. Мало того, большинство граждан вообще не имеют никакой онтологии, т. е. у них нет ценностного стержня, ценностной основы — она ситуационно меняется. С моей точки зрения, это означает, что никакой

общей идентичности, построенной в России, в настоящее время не может быть. А это, в свою очередь, вызывает вопрос: может ли существовать государство, граждане которого не обладают общей идентичностью? Советский Союз закончил свое существование в том числе и по этой причине. И не ждет ли Россию в ближайшее время судьба Советского Союза? Насколько, по вашему мнению, такие ценности можно привить? Возможно ли каким-то образом — например, через телевизор — влиять на эти онтологические ценности?

Александр Даниэль

Я хотел бы отозваться на ваше мнение о том, что в России вообще нет систем ценностей. Меня очень заинтересовала мысль, которую высказала Мария Середа о том, что внутри каждого человека эти системы ценностей есть, но их реализация как бы отложена на будущее. Действительно, заметная часть российского населения якобы в поисках традиционной системы ценностей на самом деле строит очень опасные антисистемы. Якобы пытаюсь вернуться к корням, они уходят от фундаментальных ценностей европейской цивилизации, той цивилизации, к которой мы все принадлежим, и Россия в том числе. Но все-таки, очень многие находятся в том состоянии, о котором говорила Мария, — в состоянии отложенного на будущее решения вопроса о консолидации и о самоидентификации. Сейчас они не могут этого сделать.

И если позволите, раз уж об этом зашла речь, я хотел бы отреагировать еще на одну тему, затронутую Марией Середой — тему сложных амбивалентных отношений между российским сознанием и Западом, тоже основательно мифологизированным: то ли он нам крайне враждебен, то ли мы должны к нему стремиться. Вроде бы мы должны от него, от этого Запада, что-то взять, но это «что-то» на российской почве как-то не прививается, а может быть оно нам вообще не нужно.

По-моему, это довольно архаический подход. По-моему, в современную эпоху идентичность определяется не тем, что мы берем от мира, а тем, что мы в него вносим, не тем, чему мы у кого-то учимся, а тем, чему учится у нас человечество, тем, какой особенный вклад мы внесли в копилку общечеловеческого опыта. Просто надо перевернуть постановку вопроса, и тогда все встанет на свои места. И в этом плане мне кажется, что мы, Россия, на самом деле так до конца и не осознали, какой вклад мы внесли в человечество. А этот вклад колоссален. Традиционно принято считать, что основной вклад России в человеческую цивилизацию — это великая русская литература. Не спорю, наша литература и в XIX, и в XX веке действительно колоссально повлияла на мировую культуру, на сознание европейцев в первую очередь.

Но есть и другие примеры. В частности, та удивительная метаморфоза, которую европейская (по происхождению) концепция прав человека претерпела в 1960–1980-е годы в практике советских диссидентов, в российском (прежде всего) национальном сознании. Из советской практики выросло новое понимание этой концепции, выработанное нашими публицистами

и мыслителями, — в первую очередь Сахаровым. В этом понимании права человека рассматриваются не только и не столько как инструмент притирки людей друг к другу, сколько как концептуальное провозглашение единства человечества. А практика борьбы советских диссидентов опосредованно, через «доктрину Картера» привела к тому, что, начиная с конца 1970-х, права человека из декларации начали превращаться в весомый фактор международной политики. Вот это и есть реальный вклад России — ну, ладно, пусть не России, а СССР — в европейскую и всемирную цивилизацию.

Мария Середа

Я бы хотела ответить очень короткой историей. Недавно я была по делам в Санкт-Петербурге и поймала такси прямо в аэропорту. Точнее, даже не такси, а какой-то парень там встречал коллег, но не встретил и предложил меня отвезти. И вот мы беседуем и начинаем аккуратненько обмениваться идентичностями. Он спрашивает: «Чем вы занимаетесь?». Я так настороженно говорю, что работаю в организации, которая поддерживает гражданское общество. Он улавливает и смысл работы, и мою настороженность. Тогда я спрашиваю: «А вы чем занимаетесь?» И тут он еще более настороженно, к чему я не привыкла, говорит мне: «А я левый националист». Я говорю: «Это что значит?» Выясняется, что у него примерно такая картина ценностей: он националист и у него есть хобби — он дома шьет русские косоворотки, всерьез развивает эту этническую идентичность, при этом он еще и конкретно левый. Он считает, что евреи, банки, Запад и прочие силы зла захватили страну и надо от всего этого избавиться и строить славянский коммунизм. То есть в голове черт знает что, но парень при этом очень симпатичный, ему лет двадцать с чем-то. Я спрашиваю, что ему, собственно, не нравится в окружающем мире. И он мне говорит: «Ну посмотрите же, ведь невозможно пойти по улице в моей любимой косоворотке — сразу побьют». Я ему говорю: «Значит, вы хотите, чтобы люди на улицах могли одеваться так, как им нравится, и их за это не били? Я тоже этого хочу». Дальше он говорит: «Ну посмотрите, кругом банки и они все западные, а вот российский бизнес невозможно развить». Я говорю: «Вы хотите, чтоб в России мог развиваться малый и средний бизнес? Я тоже этого очень хочу». И в процессе разговора я понимаю, что у нас нет ни одного расхождения на уровне базовых ценностей, вообще ни одного. У нас есть расхождение на уровне набора фактов, которые попали к нам в головы, и их интерпретаций. Мы расстались лучшими друзьями, он денег с меня не взял. Это я к тому, что все можно построить. Это во многом вопрос интерпретаций и языка.

Влодзимеж Марчиняк

Я не убежден, что государство обязательно должно опираться на некий набор ценностей, некий перечень, общий для всех. Зададим себе вопрос: что нас удерживает в одном государстве? Почему мы находимся в одном государстве? Потому что нам хорошо друг с другом. Почему мы получаем

удовольствие от того, что мы вместе? От того, что у нас общие ценности? Не убежден в этом, возможно, они могут быть разными. Между людьми должно возникнуть что-то другое, что будет удерживать их в одном государстве.

Возможно, важнее ответственность — конечно, можно сказать, что это тоже ценность. Граждане должны быть ответственными, и тогда у них могут быть разные ценности. Но если они в состоянии нести ответственность за то, что они делают, за свои поступки, тогда, возможно, это отношение, которое мы называем государством, сохранится.

Получается, что вы исходите из того, что наличие национальной или государственной идентичности — это хорошо. И дальше так или иначе обсуждаете: вот здесь она не состоялась, вот здесь есть такой путь, это не получается, то не получается. Но в XXI веке действительно хочется задать вопрос: нужна ли вообще идентичность, построенная либо по принципу крови, либо по принципу земли? Это в период глобализации, постоянных потоков мигрантов по всему миру — может быть, она и не получается? Мой вопрос: скажите, зачем идентичность в XXI веке?

Александр Даниэль

В вашей реплике неявно присутствует не один вопрос, а три.

Нужна ли модель идентичности, построенная на «крови и почве»? Мой ответ — не только не нужна, но и смертельно опасна. И в XXI веке и, как мы видели, в XX веке. Многие — например, Владимир Соловьев²⁶ — говорили о ее опасности еще в XIX веке.

Нужна ли людям какая-нибудь коллективная идентичность вообще? Думаю, да. Это очень полезный и важный инструмент — и для человека, и для человечества. Не буду мотивировать свою точку зрения по этому поводу — это было бы слишком долго и не совсем по теме.

Нужно ли искать (или конструировать) коллективную идентичность именно в рамках государства? Это уже третий вопрос, философский, исторический. Коллективная идентичность вообще не обязательно должна быть жестко связана с чисто политическим понятием национального суверенитета, не обязательно должна вписываться в рамки государства. В современном мире каждый из нас живет одновременно в контексте многих разных идентичностей — национальных, языковых, культурных, религиозных и т. д.

Влодзимеж Марчиняк

У людей есть идентичность, они ее формируют. Зачем они это делают? Исхожу из того, что им это нужно по каким-то причинам. Они это делают всю жизнь, постоянно. Сложилась определенная европейская традиция, т. е. традиция некой европейской общности, разных наций, разных государств — это на самом деле большое достижение, то, чем мы должны гордиться. Актуально это еще или уже не актуально? Лично я надеюсь, что еще актуально,

²⁶ Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900) — российский философ, публицист, университетский преподаватель, теолог и мистик.

это наше европейское достижение, европейская находка, что мы все едины, потому что мы разные, а разные мы благодаря тому, что объединены в разные нации, разные государства. Это было бы хорошо сохранить. Формируются ли на самом деле какие-то другие идентичности, которые будут оттеснять на обочину ту, старую идентичность гражданской нации? Формируются, реально. Этот процесс происходит, хотя бы в форме чисто религиозной общности и чисто религиозной идентичности. Это действительно реальный процесс.

ИСТОРИЯ ПРОТИВ ПРОПАГАНДЫ:

ОТНОШЕНИЕ К ПРОШЛОМУ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Сборник материалов международной конференции,
организованной Институтом по изучению тоталитарных режимов
в Праге 9 и 10 декабря 2015 года.

Editor: Nela Srstková
Redakce: Elizabeta Stoinova, OLDSCHOOL s.r.o.
Obálka a sazba: Anna Chlebina
Vydal Ústav pro studium totalitních režimů, Siwiewcova 2, 130 00 Praha 3
www.ustrcr.cz Praha 2016

Ответственный редактор: Нела Срсткова
Редактор: Элизабета Стоинова, OLDSCHOOL s.r.o.
Обложка и верстка: Анна Хлебина
Издан Институт по изучению тоталитарных режимов,
Сивецова 2, 130 00 Прага 3
www.ustrcr.cz Прага 2016

ISBN 978-80-87912-61-4